

 storytel original

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

СОЛЬ
АЛЬТЕРАТЫ

Евгения Кротова
Альтераты. Соль
Серия «Альтераты»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65675358
ISBN 978-9-1802-4642-2

Аннотация

Молодая рок-певица Анна Скворцова мечтает о большой сцене. Неожиданное приглашение на шоу талантов «Активация» заставляет ее пойти на сделку с отцом – известным археологом и взять у него деньги в долг. Их придется отработать – отец настаивает на участии дочери с археологической экспедиции. С первого дня в лагере археологов начинается происходить необъяснимое.

Содержание

Первая серия	5
Вторая серия	42
Третья серия	70
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Евгения Кротова

Соль. Альтераты

 storytel original

© Евгения Кротова, 2019

Издательство благодарит Vanke, Gommen & Smirnova
Literary Agency за содействие в приобретении прав

* * *

Первая серия

1

В душной темноте трюма пахло прогорклым маслом и сыромятной кожей. Круглобокие тюки были закреплены в углу у стены. Они покачивались вместе с кораблём. Рядом через проход стояли мешки с солью. Предштормовые волны бились о борт, нашёптывая проклятия.

Металлический стук отпирающегося засова, узкая полоска жёлтого света, шорох крадущихся к лестнице шагов. Угловатая тень в нерешительности замерла на верхней ступени, будто прислушиваясь. И в следующее мгновение стекла вниз, послушно следуя за слабым огоньком свечи. Тусклый свет метнулся к низкому потолку, выхватив из темноты высокую женскую фигуру, одетую по-мужски в льняную рубашку до колен и узкие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свободные концы сплетённого похожего на змею пояска повторяли очертания округлых бёдер. Светлые, цвета липового мёда, волосы были увиты в тугую косу. На лице незнакомки играла странная улыбка: затейливая смесь любопытства, торжества и злорадства.

Рука с узким запястьем, защищённом тиснёным зарука-

вьем с серебряным изображением лубочного солнца, потянулась к замызанному пологу. Отодвинув край, женщина усмехнулась: там, в чёрной мгле, в тесной клетке из занозливых досок, скрючившись, сидел её враг, закованный так, что едва мог двигаться.

Женщина втянула носом спёртый воздух, медленно шагнула к клетке.

– Разбудила? – она внимательно и с нескрываемым удовольствием рассматривала иссиня-чёрные кровоподтёки на тонких запястьях. Враг шевельнулся, подобрал под себя ноги, спрятал руки под грубую накидку. – А и то верно, выспишься ещё, – и добавила мечтательно: – Скоро Константинополь...

Человек в клетке никак не отреагировал. Её это позабавило.

– Кариотис, небось, заждался... Ещё бы: такой товар! Как думаешь, тебя сразу продадут или ещё подержат в подвалах с крысами? – она сделала один осторожный шаг, приблизив мутный кружок света к клетке. Но подойти ближе не рискнула, так и осталась стоять, держа в одной руке край просаленного полога, а в другой – подсвечник с огарком тусклой свечи.

В полутьме мелькнула серебристая прядь волос, белая кожа.

– Нет, тебе не такая благодать уготована, – мстительно прошипела женщина и наклонилась к своему врагу так, что-

бы ни единое слово не ускользнуло, чтобы каждое впечаталось в сознание пленника. – Знаешь, Кариотис ведь – не торговец рабами, его товар – тончайшая кожа. Вначале её вымачивают в солёной воде, ещё на хозяйке, а потом аккуратно вырезают нужные куски и снимают. И чем белее кожа, тем больше Кариотис за неё получит... На твоей он обогатится, – светловолосая зло прошипела: – Ты можешь гордиться, ведьма, на ней напишут оды императору Константину. А смерть твоя развлечет Михаила Пафлагона с Зоей Порфирородной.

В проходе мелькнул красно-оранжевый отблеск и бесшумно упал между мешками.

– Воды. Дай воды, – прошелестел голос из-под покрывала. Женщина зло расхохоталась.

– Это вряд ли! Я распорядилась, чтобы ни единая капля не коснулась тебя. И воды ты не увидишь до самой своей смерти, скорой и мучительной. А я буду её свидетелем.

Она круто развернулась и выскользнула из закутка, оставив врага умирать от жажды. Ей в спину с укором смотрели тёмно-синие глаза.

Щёлкнул засов, стихли шаги.

Корабль продолжал свой путь, приближаясь с каждой минутой к конечной точке своего путешествия – порту Константинополя.

– Воды... Дайте воды, – беспомощный хрип тонул в затхлой темноте.

Неожиданно за завесой, около тюков с кожей, послыша-

лось движение. Щёлкнуло огниво, яркий огонёк осветил безусое мальчишеское лицо, перебежал на огарок свечи и замер в нерешительности.

Осторожные шаги приблизились к закутку.

– Эй! Есть кто живой? – напряжённый шёпот, замешательство у полога.

Человек под покрывалом пошевелился. Тихо звякнули цепи кандалов. Юноша приблизился к пологу, робко отодвинул край.

– Я Словен, ладьяр младший. С веча тут прячусь от дядьки мово, да, видать, и заснул... Проснулся, и слышу, будто плачет кто...

Свет был так слаб и неверен, что пришедшему, чтобы хоть что-то разглядеть, пришлось перешагнуть через промасленный полог и придвинуться ближе, подойдя к самой клетке. Грязное, в темно-багровых пятнах, рубище пленника соскользнуло с плеч. Под ним оказалась девушка.

– А, ты? Ты и вправду? Она? – в голосе слышалось опасение и любопытство, а в измазанных смолой руках темнел небольшой ключ с отломанным зубцом и грубым витым кольцом вместо ушка.

Белоснежная даже в почти кромешной мгле кожа девушки искрилась январским снегом, а белые как лунь волосы серебристым шёлком падали на плечи. Тонкие руки зябко тёрли онемевшие в кандалах запястья. Из-под ржавого металла со-

чилаь кровь. Синие глаза разглядывали нежданного гостя.

Он был совсем юн, вряд ли достиг шестнадцати. Многие в его возрасте – уже воины, известные своей храбростью и отвагой. А этот мальчишка, светловолосый, с наивным пушком над верхней губой, явно сбежал из скита. Жизни ещё не видал, а дедовых сказок наслушался.

– Воды, – прошептала пленница потрескавшимися губами и протянула руки узкими ладонями вверх.

Мальчишка растерялся, будто сомневаясь, да тут же сунул найденный ключ за пазуху, засуетился:

– Да сейчас-сейчас, – дрожащими от волнения руками отстегнул от пояса и бросил пленнице кожаный пузырь, – Нам так-то велели к пленнику ни на шаг не подходить. Дядька сказал, что до смерти зашибёт всякого, кто запрет нарушит, – парнишка хмыкнул и наивно улыбнулся: – Но он, наверно, не знает. Думает, небось, какого преступника везём императору византийскому на суд. А ты вон... девчонка... Красивая какая, – вздохнул, любуясь.

Девушка посмотрела тяжело, перевела дыхание. Осторожно, будто взвешивая каждое движение, подняла пузырь с водой и, выдернув пробку, поднесла к пересохшим губам.

Гулко звякнули кандалы.

Глаза пленницы распахнулись. Словен замер, как заколдованный, от пронзительно-холодной синевы этих глаз.

Бледный луч отразился в капле, рассыпался греческим огнём по чёрным стенам трюма и заледенел. Стало тихо, буд-

то волны за бортом с опаской прислушивались к происходящему. Пленница медленно перевернула пузырь. Прозрачная жидкость заискрилась, коснувшись плотно сжатых губ. Стекая по заострённому подбородку, груди, растекаясь по телу, рассыпаясь серебряными и золотыми брызгами, окутывала фигуру пленницы в невидимый кокон. И, странное дело, пузырь-то был наполовину пуст, а вода из него всё текла и струилась, будто небесные хляби разверзлись. Воздух наполнился морозной свежестью.

Ржавые кандалы побелели, покрываясь мохнатой коркой инея, дрогнули и опали искрящимся песком.

Юноша нервно сглотнул и отступил на полшага.

– Сварог-отец, царица наша, – ладьяр выпустил мольбу, узнавая пленницу и падая на одно колено перед ней.

Поток из кожного пузыря замедлился, становясь вязким, как смола. Вода превращалась в белые полупрозрачные кристаллы, острыми иглами они нарастали один на другой, заполняя пространство тесного трюма. Ледяная корка расплзалась чумной тенью, захватывая все новые и новые предметы. Вот она коснулась занозистых досок клетки, въелась в них, вгрызлась острыми зубьями, рассыпала в труху.

Словен отшатнулся: морозный узор кутал всё вокруг, сковывал серебристо-серыми кандалами, только воздух вокруг него и его восковой свечи золотился живым блеском.

Тихий треск крошащихся досок, и серо-зелёные потоки морской воды с шумом хлынули в трюм, превращаясь под

взглядом бывшей пленницы в ледяные колья, сминая дерево, железо и камень, стирая их в пыль, смешивая с морской водой.

Корабль, протяжно вздохнув, накренился. Он ещё цеплялся за жизнь, как и горстка людей, бившихся со стихией там, на палубе: ладьяр слышал их крики и зов о помощи, но уже знал, что участь всех предрешена.

Ледяные колья живыми змеями врывались в корабельное нутро, вышибали металлические заклёпки, разламывали и с хрустом дробили перекрытия. А в центре этого неистового клубка неподвижно властвовала белоснежная дева, словно начало и конец всего сущего. Синие глаза смотрели в темноту, ослеплённые мстью.

– Проклятье шлю на твоё племя, – исступлённо шептали губы.

Проваливаясь в чернильную мглу, ладьяр успел заметить, как разорвалась вокруг пленницы прозрачная ледяная слюда, тонкая и податливая, будто живая. Как тянулись к нему белоснежные руки той, кого он принял по наивности за простую пленницу-рабыню. Видел её спокойное лицо, внимательные синие глаза, полные сожаления, нежности и... тоски.

Её лёгкое прикосновение освободило от боли и принесло юноше удивление, что жизнь оборвалась так скоро и так нелепо.

Наши дни, конец мая,

Черноморское побережье, район Анапы

Ветер гнал за горизонт редкие облака. Рваные, будто неумело скрученные нити альпаки, они тянулись бесконечно, от края до края. Солнце ещё не успело опалить степь, и та лениво нежилась, прикрываясь от побережья тёмными горами.

Гравийка вела в сторону от Анапы, к побережью Керченского пролива. Девушка, придерживая старомодную шляпу с широкими полями, вытянула шею и какое-то время смотрела на зеленоватую полоску воды, то и дело выскакивающую из-за камней. Наполненный криками чаек воздух был пропитан степным ветром, солью и морем. Здесь особенно хотелось дышать полной грудью и подставлять бледное лицо солнечным лучам.

Вместо этого Анна, притулившись в открытом кузове грузовика между инвентарём, рюкзаками и вязанками с сеном, угрюмо перелистывала треки и в очередной раз ставила на повтор композицию, выбранную другом Скотом для телевизионного шоу «Активация». Ребята остались там, в Москве, готовились к выступлению. «Обкатывали» нового гитариста. А она тряслась в этой идиотской машине, которая тащила ее в идиотскую, богом забытую глухомань по идиотской дого-

воренности, которую родители, будто сговорившись, заставили исполнять.

3

День «икс» настал для нее сразу после майских праздников, когда отец позвонил по сотовому и потребовал приехать к нему в университет. Анна полтора часа тряслась в метро, выбираясь из Южного Бутово, где они со Слайдером сводили новый трек для «Активации». Прочесав под мелко накрапывающим дождем до величественного здания МГУ, она вбежала внутрь ровно за пятнадцать минут до назначенного отцом часа. Главный вестибюль университета никогда не спал, не знал тишины, искрился смехом и гомоном, как вечно бурлящий ведьмовской котёл.

Если есть студенческая вольница, то она тут, в этих просторных залах и коридорах.

Девушка побежала по лестнице, направо в закуток, словно из прошлого в настоящее: серый кафель и невзрачные двери лифтов. Конечно, можно и пешком. Но шагать по запылённым ступеням прокуренной лестницы – верный способ получить обострение аллергии и посадить связки. Анна приподняла край тонкого баффа (бонданы-трансформера), натянула на переносицу, прикрыв нижнюю часть лица, скользнула через распахнувшиеся двери внутрь лифта.

Шестой этаж.

Девушка выскочила, торопливо прошла до углового кабинета с табличкой «Заведующий кафедрой археологии», дёрнула ручку, чтобы убедиться, что заперто.

Успела.

Она выдохнула с облегчением. Вынула из рюкзака бутылочку с водой, сделала несколько жадных глотков и один медленный. Бросила рюкзак на пол, села на него, поджала ноги к подбородку и прикрыла глаза. Бутылка с водой выскользнула из рук, гулко ухнулась об пол.

В коридоре у лифтов послышалось движение: в холле показался Олег Иванович Скворцов. Он несколько постарел с их последней встречи, стал ещё суше и прямее. За ним, словно королевская свита, семенила стайка студентов.

– Олег Иванович, а как же работа Доброгова? – пищала молоденькая короткостриженная брюнетка, забегая перед отцом, заглядывая в лицо. – Он же пишет о противоположном. Он...

– Он дурак, – отрезал отец. – Если вы в своей научной работе намерены опираться на мнение некромантов и прочих шаромыжников, то работа Доброгова вам очень пригодится. Но я бы вам советовал обращать внимание в первую очередь на академические труды и проверенные исторические источники.

Студентка приотстала, будто переваривая услышанное. На её место заступила другая – крашенная блондинка, крохотная и кривоногая, как австралийский пигмей.

– Олег Иванович, а мы вас хотели пригласить в двести шестую группу на коллоквиум послезавтра, мы будем моделировать раскопки Помпеи.

Отец остановился, посмотрел на девушку озадаченно:

– А почему именно Помпеи?

Студентка всплеснула руками:

– Ну так нам Ирина Фёдоровна дала задание про Помпеи! Сами удивились, мы их ещё в прошлом семестре изучали. Придёте?

Чем ближе подходил отец с ватагой студентов, тем острее Анна чувствовала во взглядах этих девушек, в их словах, в их наивном желании быть замеченными профессором Скворцовым... обожание.

Открытие застало врасплох. Отца можно бояться. Ненавидеть. Злиться на него и обижаться. Но вот это благоговейное уважение на грани влюблённости – шокировало.

Она так и сидела на собственном рюкзаке, когда компания поравнялась с ней. Кольнув дочь взглядом, Олег Иванович кивнул на дверь:

– Заходи, – и отворил кабинет. Ватага обожателей осталась в коридоре.

Девочки-студентки с удивлением проводили взглядами Анины дреды, уставились на обвешанный черепами и цепями рюкзак. Посторонились сочувственно, словно от прокажённой. Анна едва удержалась, чтобы не рыкнуть мультяшным «бу-у».

– С чего такая срочность? – она бросила рюкзак в угол продавленного дивана, сама плюхнулась в центре, наблюдая исподтишка за тем, как отец передвинул стопку папок со своего стола на тумбу для принтера. Подумав, вернул документы на прежнее место. Открыл и закрыл стеклянные створки старомодного книжного шкафа, забитого книгами.

«Нервничает?» – удивлённо мелькнуло в голове.

Отец сел за стол, провёл руками по лицу, будто стряхивая с щёк усталость, растёр виски. Анна ждала. В кабинете было солнечно, пахло пылью и книгами. А ещё дорогим табаком. Раньше девушка бы не обратила внимание на тонкий благородный аромат, но Орлов – продюсер, с которым они работали последние несколько месяцев, – баловался сигарами и волей-неволей, работая с ним почти ежедневно, она стала замечать этот запах. Откуда, интересно, он в кабинете отца? Он ведь не курит – принципиально, считая это мальчишеством и слабоволием.

Олег Иванович вытащил явно заготовленную заранее папку-уголок, протянул дочери через стол. Той пришлось пригнуться.

– Здесь бумаги. Подпиши прямо здесь и сейчас... А то потом забудешь или потеряешь. Копии делать нет времени.

Анна бегло просмотрела заголовки. Срочный трудовой договор на сезонные работы, обязательства, договор о полной индивидуальной ответственности, должностная инструкция, положение о порядке производства работ...

– Это что? – девушка перевела взгляд на отца.

Тот раздражённо развёл руками:

– Это документы. Уговор есть уговор. Я тебе помогаю, ты отработываешь долг поездкой в экспедицию, – он смотрел едко, будто уже заранее жалея о затее.

В груди стало тесно, Аня выдохнула, пальцы похолодели:

– Я помню и не отказываюсь, – она уставилась на ровные ряды букв в договоре. – Но не согласишься ли ты на мою отработку каким-то иным способом? Без выезда из Москвы?

В голосе было столько мольбы, сколько она не обрушивала на отца за все годы жизни вместе взятые. Отец саркастично хмыкнул, губы изогнулись в усмешке. Аня продолжила:

– Просто с пятнадцатого июня начнётся запись первого тура «Активации». Если меня не будет в Москве, то... – она подняла на него глаза, ещё одно слово – и расплечется: – Всё зря, понимаешь? Это как если фея Золушке подарила платье и карету, но ворота замка оказались заперты.

В висках пульсировала надежда. Но одного короткого взгляда на отца стало достаточно, чтобы понять – пощады не будет. Ему принципиально нужно именно сейчас, именно так. Анна закрыла глаза, предложила то, на что в других условиях никогда бы не решилась:

– Слушай. Пока ты будешь в экспедиции, я могу помогать по хозяйству твоей жене... Полы мыть. Продукты приносить...

– Ты готова унижаться, лишь бы не ехать? – в голосе отца

слышалось презрение и разочарование.

– Мне просто важно быть в Москве пятнадцатого и шестнадцатого июня. И, если мы пройдем в следующий тур, то до двадцать второго или двадцать третьего: там плотный репетиционный график и по условиям конкурса – новый экспериментальный репертуар, – она готова была взвыть: – Мне надо быть здесь эту чёткову неделю!

Отец холодно наблюдал за ней:

– Значит, тебе придётся истратить на это свою зарплату. Самолёты и поезда ходят по расписанию. Доберёшься как-нибудь. Озаботься этим заранее, закажи билет.

Аня не верила своим ушам:

– Отпустишь? Точно?

– Мы же договорились.

Девушка, не глядя, поставила размашистую подпись на каждом экземпляре, вернула отцу папку. Руки дрожали.

Отец отделил из папки несколько листков формата А4, вернул дочери:

– Здесь список прививок и медицинских обследований. И вещи, которые следует взять с собой. С этим будь максимально внимательна – лишнее не бери, необходимое не забудь, – и выразительно посмотрел: – Учти, я проверю все, включая нательное белье. Поняла?

Она кивнула, зажав в руках мелко исписанные листки.

Анна шумно выдохнула от одного воспоминания об этом. Он правда проверил. Прямо на вокзале, за пять минут до

отправки поезда. Выкинул из рюкзака часть вещей: лишнее, по его мнению, не практичное, не удобное. Переложил из собственной сумки идиотскую шляпу с широкими полями вместо модной пиратской банданы. Сунул широкие льняные брюки с большими накладными карманами и дополнительную тёплую рубашку с длинным рукавом. Анна не возмущалась, растерянно оглядывая выброшенные на деревянную лавку вещи.

– И куда мне это все? В помойку?

Отец пожал плечами:

– А твои аборигены пришли тебя провожать? – он небрежно кивнул на притихших парней – Ската и Слайдера из ее группы «Сирин». – Вот и отдай, пусть матери отвезут.

Хоть в чем-то отец и мать совпадали – команду «Сирин» оба неизменно называли аборигенами. И еще в том, что *raста sunt servanda* – договоры должны соблюдаться.

4

Пятью месяцами ранее, Москва, квартира Анны Скворцовой

Пронзительное ожидание счастья. Огромного. Со вкусом беды и безнадежности. Будто судьба твоя предрешена, но тебе дозволено впитать последние крохи благодати. Будто приговорён к четвертованию, но тлеешь еще надеждой на милосердие.

Густой аромат полыни и чабреца забивает легкие. Солнечный свет бьёт в лицо. Оранжево-жёлтый, как одуванчик, и ослепительно яркий. Из-за него слезятся глаза. Надо терпеть. Потому что – она знает это наверняка – сейчас появится Он. Всего одно короткое мгновение, и еще одна попытка увидеть Его, узнать Его.

Она затаилась в ожидании.

Опаляющее дуновение. И вот прямо над ней, на небесно-голубом фоне тонкий юношеский профиль. Неясная, мечтательная улыбка коснулась его губ. Солнечные блики играют, путаются в волосах, будто становясь их продолжением. Будто Он сам есть солнце. Слёзы предательски застилают глаза, скатываются по вискам, мешают. К горлу подкатывает отчаяние: вот сейчас он навсегда сольётся с полднем. Безжалостный свет смоев Его черты, украдёт единственную возможность ВСПОМНИТЬ. Оставит ее одну в ожидании новой встречи. Короткой как южная ночь и ослепительной как вспышка.

Поворот головы, и тонкий профиль растаял под солнечным саваном.

Только боль в глазах.

Только тяжесть на сердце. И шаги палачей.

Анна проснулась, услышав собственный вой.

Мокрая от слёз подушка. Жёлтый фонарь за окном, суетливые блики надвигающейся метели. Протяжный стон поли-

цейской сирены где-то вдалеке, видимо, на проспекте. Анна села на кровати, обхватила голову руками.

После этого сна она всегда чувствовала себя идиоткой.

Она НИКОГДА НИ в КОГО не влюблялась вообще. Тем более до такого состояния, чтобы как дурочка довольствоваться возможностью увидеть. Она никогда не испытывала состояния, когда распадаешься под взглядом кого-то другого, когда в животе становится горячо и – как там это описывают? Бабочки порхают?

Она вообще относила себя к девушкам невлюбчивым. Даже сомневалась – способна ли на это загадочное чувство. Ну, вот клавишник их, Скот, например. Это же бог. Это такая харизма, что девушки в обморок падают только от одного его движения плечом. А уж если он там косичками-брейдами своими махнёт, то вообще атас – визг оглушит. Один раз какая-то фанатка выскочила на сцену и на неё, Анну, с кулаками полезла. Приревновала за то, что вокалистка рядом со Скотом стоит на выступлении. После этого случая Аня специально приглядывалась к клавишнику, вылавливая в душе хоть какую-то тень влюблённости. И ничего. НИ-ЧЕ-ГО. Ни татушки его прикольные, ни игра бицепсами, ни голос бархатный с характерной хрипотцой и вкрадчивостью мартовского кота. Чёрт, даже джинсы его обтягивающие на неё никак не влияли. Ни одной крамольной фантазии за все три года, что она его знает.

Или, опять же, гитарист их, Слайдер. Ну вот вообще па-

рень яркий. Во всех смыслах. Один выбитый дракон на бр-
той башке чего стоит.

И это парни, с которыми есть о чем поговорить, о чем помечтать. Парни, которыми можно восхищаться: красивые, талантливые, умные – Слайдер, на минуточку, три иностранных знает свободно, стихи на них пишет. Скот такие аранжировки делает, что из любой попсы может рок-хит за пять минут сварганить, круша жанры и направления, смешивая ритмы и звучания. А какие «фишки» он с модной теперь пол-иритмией делал!

И – ничего. Ни одна фибра девичьей души ни разу не шелохнулась. Ни одна мыслишка не промелькнула. Даже чувство ревности отсутствовало напрочь, когда к ним девицы липли.

А тут... в этом дурацком, идиотском сне...

Она сама себя презирала. Вот за это самое самоуничтожение, растворение без остатка. За потерю собственного «я».

Дверь тихонько скрипнула, впуская кошку. Чёрная, с зелёными умными глазами-блюдцами, она уселась на пороге, равнодушно рассматривая хозяйку без всякого любопытства. Грациозно повела плечом.

– Кис-кис, – тихо позвала её Аня, – Муська, топай ко мне.

Кошка презрительно скривилась, но подошла ближе. Аня похлопала по кровати, в надежде, что «собачий» жест кошка не воспримет как оскорбление. Муська смилостивилась, запрыгнула на кровать, устроилась на коленях хозяйки.

– Красавица моя, – Аня погладила гладкую шёрстку.

Дверь приоткрылась чуть шире, вошла мама.

– Ты опять полуночищаешь, – прошептала с укоризной.

Почему ночью мама всегда шепчет? Ведь они только вдвоем. – И Муську разбудила.

– Я не будила, она сама, – Аня прижалась носом к нежно-му кошачьему лобку. Острые ушки недовольно стрельнули по щекам, усы кольнули шею.

Мама прошла в комнату, уселась рядом с дочерью. Провела рукой по подушке.

– И плакала опять, – констатировала. – Что на этот раз?

Аня уставала иногда от этой пронизательности. Задышала.

Вот и сейчас почувствовала неловкость, съёжилась и подобралась.

– С чего ты взяла вообще, что я плакала.

Мама выдала коронное:

– Вот станешь матерью, тогда поймёшь, откуда мы всё знаем.

Аня вздохнула. Мысль о невлюбчивости тревожно соединилась с осознанием невозможности материнства.

– Мам, я красивая? – спросила неожиданно. Спросила и поняла: ей важно, чтобы мама сейчас подтвердила это.

Мама тихо рассмеялась, спросила вместо ответа:

– Влюбилась, что ли?

– Ничего я не влюбилась...

– Ну и слава богу. Я не переживу, если это окажется кто-то из твоих аборигенов, – мама погладила её по плечу.

Аня в который раз подумала, какая мягкая и горячая ладошка у её матери. Словно степное облачко.

– Это ты о Скате и Слайдере?

– Обо всех, у кого нет нормального имени.

– Я тоже для них не Аня, а Скрабл, – усмехнулась девушка, уставившись в темноту.

Разговор с матерью постепенно разгонял мутную тревогу, выветривал странные мысли, прилипчивые, как подтаявшая карамель.

Мама фыркнула:

– Ну, спасибо хоть на этом... Прозвище мало-мальски интеллектуальное. А вообще ты у меня молодец. В свои девятнадцать не многие могут похвастать бюджетным местом в театральном училище и собственной рок-группой с должностью... этого, как его там у вас, – мама нахмурила лоб, вспоминая, – фронтмена!

Дочь хмыкнула:

– Фронтмен – это мужик-вокалист. А я, если на то пошло, фронтвумен, – поправила она мать сквозь смех. – И это не должность, это лицо группы, место в коллективе, роль.

– А-а, один леший, – отмахнулась та, поднимаясь и забирая задремавшую было Муську с собой. – И ещё у тебя есть шанс по жизни заниматься любимым делом.

Мама направилась к выходу, держа кошку под мышкой,

но остановилась:

– И – да, ты красивая. Очень. На бабушку похожа... Хотя мне адски не нравятся твои дреды, вечно будто башка немывтая.

Она обречённо вздохнула, зная, что тема давно закрыта и дочь не расстанется с причёской, притворила за собой дверь.

Аня слышала, как проскрипели старые половицы. С облегчением откинулась на подушку. Та оказалась влажной и холодной. Чертыхнувшись, перевернула подушку другой стороной, укрылась одеялом с головой.

Звякнул сотовый.

– Сегодня вообще кто-нибудь спать собирается? – проворчала девушка, вытягивая руку за аппаратом. Плоская серебристая коробочка скользнула с прикроватной тумбочки в ладонь. – Двенадцать часов!

Видеосообщение от Ската.

– Убью завтра, – проворчала девушка, но иконку просмотра всё-таки нажала.

Что бы там ни говорила мама, а истинный лидер группы – это клавишник Скат. Без его музыки, его энергии «Сирин» оставалась бы только студенческим коллективом. И просто так в двенадцать часов ночи он её будить не стал бы. Анна села на кровати и включила просмотр видео.

Короткий рекламный ролик о начале кастинга на шоу «Активация». Ярко-красный фон, мощный удар по открытым струнам и танцующий силуэт гитариста. Его сменяет изящная фигурка вокалистки. Вспышки фотокамер, софиты. Анна нахмурилась.

Кастинг шёл уже месяц.

«Активация» – шоу талантов. Оно открыло не одно имя в современном музыкальном мире. Крутая команда тренеров-наставников, музыкантов, хореографов и операторов, задача которых раскрутить имидж коллектива, дать ему новое амплуа, новую жизнь.

В этом сезоне отбирали группы.

Конечно, их группа «Сирин» направили заявку.

Конечно, получили отказ. Что могли предложить ребята, записавшие песню в домашней студии Ската? Короткое видео на камеру-мыльницу. Без профессионального саундчека. Без сведения, мастеринга и вытягивания. Денег на нормальную запись тупо не было. Бред было на что-то рассчитывать. Не их сезон.

И чего теперь Скат оживился на ночь глядя?

«Посмотрела?» – короткое сообщение в мессенджер следом.

«Раз сто», – набила ответ.

«Тогда лови месседж и возрадуйся».

Сотовый мигнул новым сообщением, на этот раз – аудио. Приятный, подчёркнуто деловитый мужской голос.

«Добрый день, Александр, – Аня уже и забыла, что по паспорту Скот – Александр Александрович Коновалов. – Ваш телефон оказался у нас в базе. Это Артемий Орлов, генеральный продюсер шоу „Активация“, вы присылали заявку на участие. Но, судя по всему, получили отказ от наших музыкальных редакторов. Вью у вас, действительно, хардкорное... Но я слышал вас сегодня в „Даддис Паб“. Меня заинтересовала ваша вокалистка и исполненные каверы. Если ваш гитарист и ударник так же хороши, то я бы рискнул пригласить группу участвовать в шоу „Активация“. Если, конечно, ваши планы не изменились».

Аня подскочила в кровати, зажала рот обеими ладошками, взвыла. Сотовый выпал из рук, мягко шлепнулся на одеяло, соскользнул на прикроватный коврик. Плевать! Она неистово отплясывала и мотала головой так, кончики дредов касались натяжного потолка.

Мигнул экран телефона. Она схватила трубку, прильнула к экрану, едва дыша от счастья.

– Это что, правда? Не монтаж? Не розыгрыш? – шипела она в телефон, чтобы не привлечь внимание матери.

– Выходи в скайп, – коротко скомандовал Скот.

Аня послушно рванула к ноутбуку, включила скайп.

– Мы столько бабок не зарабатываем, чтобы студию нор-

мальную снять, – лысая башка Слайдера отсвечивала золотом от люстры. – Скраббл и Гейша ещё учатся, толку от них. Мы с тобой, Скат, что-то достанем, конечно. Но этого мало. А дешевую студию снимать... Котаны, вы ж понимаете, это в молоко, толку не будет. Вы же слышали какой у них там уровень?

– Согласна, – барабанщица Гейша терла сонные глаза, отчаянно зевала. На спинке ее кресла недовольно дергала хвостом потревоженная кошка. – Может, продать что-нибудь?

– Гейша, чтобы продать что-нибудь ненужное, надо иметь что-нибудь ненужное, – процитировала мультяшного кота Матроскина Анна. – Когда запись, Скат? В июне? – Скат и Слайдер одновременно кивнули. – Сколько нам надо в деньгах, хоть примерно? Ну, за минусом того, что можем добыть самостоятельно?

Скат неопределённо пожал плечами:

– Если с нормальной акустикой, без их звукаря, то шестьсот или девятьсот рэ за час. Со звукарём где-то на косарь дороже. Допустим, сведение сделаем сами, на нашем железе, хотя Орловские звукари спялят и опозоримся опять, – он поморщился. – Мастеринг сами не сделаем, тут нужна студия. Но на длительный проект и перспективу засветиться в «Активации» можно вымутить скидку...

– В общем, дофига, – Аня закусила губу. – Может, Орлов на своей базе нам поможет? Если мы ему интересны?

Скат снисходительно вздохнул:

– Эй, Скраббл, не фантазируй. Он в нас начнет вкладываться только тогда, когда мы сами покажем, на что способны. Сейчас его внимание и наше участие в шоу – аванс, потому что ему приглянулась ты.

Аня помнила этот разговор. И как она не спала оставшаяся часть ночи, как прогуляла первые лекции в училище, а потом, едва дыша, набрала номер. Сухой голос из динамика отозвался почти сразу, после второго сигнала:

– Алло, пап, у меня появился шанс не быть кабацкой певичкой. Может, даже ты начнёшь мной гордиться, – выпалила она на одном дыхании, боясь, что он её перебьет. – Но мне нужна твоя помощь, финансовая. Мама вряд ли сможет помочь, у нас ипотека...

– Ты так говоришь, будто тебе понадобилось несколько миллионов.

Она назвала сумму.

Холодный смешок в трубке:

– Это совсем не та сумма, на которую ты могла бы рассчитывать, – сердце девушки упало, почти перестало биться. – Но я готов обсудить. – Молчание, приглушенный шелест бумаг.

– Что обсудить? – Анна замерла.

– У меня нет таких денег. Современные учёные, знаешь ли, не олигархи, – он усмехнулся. – Но у меня хорошая кредитная история и официальный заработок. Я могу взять кре-

дит, – Анна почувствовала, как в груди робко расцветает надежда. – Но...

Сердце девушки, словно алая роза в руках Снежной королевы, сжалось и пожухло. «Но». Отец продолжал, явно параллельно что-то подсчитывая.

– Но ты будешь отрабатывать долг.

– В каком смысле? – Аня живо представила, как она будет оставшуюся жизнь драить полы и готовить обеды для его молодой жены и сводных братьев, и нервно сглотнула.

– Я в своей жизни ничего задаром не получил, и тебе не советую, – его голос стал привычно резок и отстранён. Наверное, таким он отчитывает нерадивых аспирантов. – Дармовой сыр только в мышеловке.

– Что я должна буду делать? – девушка затаила дыхание, вцепилась в телефонную трубку.

– Летом поедешь со мной в экспедицию, – процедил отец. Анна судорожно соображала, не находя решения:

– Но... Это невозможно, – нервно засмеялась. – Летом запись «Активации», это то, ради чего все затевается. Я не могу быть где-то в экспедиции!

Она прижала трубку к уху в надежде, что отец сейчас признается, что это шутка. Но тот только равнодушно вздохнул:

– Ты слышала мои условия. Летом, начиная с конца мая, ты должна быть со мной в экспедиции. Это в России, Черноморское побережье, под Анапой.

– Да на черта я там тебе сдалась?! Я не смыслю ничего в

твоей археологии! Я ничего не умею, кроме музыки, – Анна поняла, что аргументы иссякли, и отца она не убедила.

– Ну вот и будешь нас развлекать песнями. В общем, дочь, или так, или никак.

Гудки в трубке; полная растерянность. С отцом вот так бок-о-бок она никогда не работала. Понимала, будет невыносимо. Но как совместить это с записью шоу? И как воспримет это мама?

Мама, однако, восприняла со стоическим спокойствием. Так, словно ее это несколько не касалось. Они не общались с отцом почти тринадцать лет.

6

Объект Витязево-1 исследовался третий сезон. Три года назад группа геофизиков и археологов занимались глубоководными исследованиями в акватории Чёрного моря, аналогичными тем, что проводили в две тысячи четырнадцатом болгары в ходе Black Sea Maritime Archaeology Project. Было известно, что после окончания последнего ледникового периода, примерно двенадцать тысяч лет назад, уровень воды в Чёрном море вырос и прибрежные территории оказались затоплены. Специалисты как раз и проводили геофизические исследования с целью построить карту подводных ландшафтов. Они хотели выяснить, когда поднялся уровень воды, с какой скоростью это происходило и как это влияло на жи-

телей прибрежных районов. Сканируя дно, в одном из квадратов исследователи обнаружили более сорока затонувших кораблей.

Учитывая нахождение на глубине при низком уровне кислорода, все корабли прекрасно сохранились. В большом количестве османские и византийские суда, скедии и лодьи-наседы, несколько новгородских шитиков. Многие конструкции были известны археологам только по описаниям.

Восточное Причерноморье в древности считалось довольно опасным для каботажного плавания, им пользовались лишь в самых крайних случаях. Но, с другой стороны, опасные воды обусловили первую гипотезу о «кладбище древних кораблей» – оно возникло в результате многочисленных штормов.

Первичные данные были обработаны и переданы в Российское географическое общество и Главное управление глубоководных исследований Министерства обороны с запросом на финансирование. Так у учёных появилась возможность не только исследовать корабли нескольких эпох, но и по сохранившемуся грузу (а, может быть, даже останкам) ответить на вопросы о развитии цивилизации, письменности, военных и торговых связях. Подключились чиновники. В позапрошлом году была сформирована археологическая экспедиция под руководством Аниного отца как одного из самых крупных специалистов по объектам культурного наследия средневековья. Именно тогда, исследуя снимки

и данные радиоуглеродного анализа, профессор Скворцов обнаружил странную закономерность – некоторые корабли (тринадцать из обнаруженных сорока семи) имели идентичные повреждения, похожие на те, которые можно получить при взрыве. Это подтвердило их компьютерное 3d моделирование. Но следов возгорания не было обнаружено ни на одном из судов.

Анализ поднятых фрагментов показал, что повреждения получены иным способом: волокна в местах разрывов расслоились, перетёрлись.

О крушении судов писали с благоговейным ужасом, называли проклятием Понта Эвксинского, как раньше называли Черное море.

За прошедший год Скворцов выяснил, что крушение терпели крупные торговые византийские суда. Почти сразу появились версии о пиратах и о контрабандистах, о несметных сокровищах – ведь глубина и сероводород сохранили затонувшие караваны нетронутыми рукой человека.

Лагерь археологов раскинулся на пригорке, в нескольких метрах от довольно крутого и неудобного спуска к воде. Для безопасности сбили лестницу, соорудили верёвочные поручни, прикрепили к скале. Там же сконструировали платформу-лифт для оборудования и находок. Аспирант из Питера, рыжеволосый красавец Али, который вызвался показать вновь прибывшим, в том числе и Анне, лагерь, пояснил:

– Конечно, можно было выбрать более удобный спуск, –

он говорил с едва заметным южным акцентом, – но тут просто идеальная бухта, катер может подойти вплотную к пирсу. Погрузка и выгрузка из-за этого сильно упрощается. Кроме того, что немаловажно, – он выразительно посмотрел на группу молодых людей, – пирс огорожен сопками со всех сторон. Подальше от любопытных глаз.

Анна лукаво хмыкнула:

– А что, правда золото-брульянты копаем?

Али странно, будто удивлённо, на неё посмотрел:

– Во-первых, не копаем, а поднимаем – археологический памятник полностью скрыт под водой. Глубина залегания от ста до пятисот метров в сторону Керченского пролива. Во-вторых, вас не просто так заставили подписать обязательство о неразглашении... Хотя ничего ценного для чёрного рынка пока не нашли, – добавил он с иронией. – Но...

Он многозначительно повёл плечами и прищурился.

Весной район был взят под охрану спецслужб: несколько патрульных катеров пограничной службы ФСБ России вели круглосуточные наблюдения за квадратом и методично вылавливали нелегальных кладоискателей всех мастей и национальностей.

Вот и сейчас, Аня видела это в бинокль, на линии горизонта дрейфовали несколько судов.

– То есть клад там все-таки может быть? – уточнил у Али белобрысый парень, этакий типичный отличник.

– Спросите чего-нибудь полегче, – отмахнулся он и кивнул на подошедшего к компании студентов широкоплечего юношу. – Даже если что и найдут, первыми к нему прикоснутся или глубоководные роботы, или, вон, дайверы, – добавил будто с обидой. – Знакомьтесь, кстати, Тимофей Торопов, наш водолаз.

Широкоплечий расплылся самодовольной улыбкой:

– Здорово новеньким и стареньким, – он энергично пожал руку Али и нескольким ребятам, очевидно, его знакомым. – Должен же быть и на нашей улице праздник. Я себе специально к труселям карман пришил потайной, чтоб туда золото-брильянты хапнуть, ежели добуду, – он подмигнул молоденьким студенткам, всем вместе и никому в частности. Кривая ухмылка, шрам над правой бровью, загорелое лицо со облупившимся носом, выцветшие в солёной воде и на солнце белёсые брови и ресницы.

Аня фыркнула: тот ещё красавец. Развернулась решительно, направилась к отцовской палатке, с надеждой – не станет же он её все время держать у кастрюль на кухне. Хоть бы один раз в море взял, одним глазком посмотреть.

Дайвер догнал её у кухни.

– А ты чё, правда дочундра нашего Оза? – он ловко преградил ей путь.

Невысокий, почти одного с Аней роста, ладный и жилистый, потёртая майка-боксерка, цветастые шорты ниже колен, растоптанные ядовито-зелёные кеды. Взгляд лукавый и

нагловатый.

– Оз? – она уставилась на него, откровенно изучая.

Парень хмыкнул без тени неловкости:

– Ну, Оз – великий и ужасный. Я думал, ты начитанная, сообразишь, – он почесал кончик покрасневшего носа. Аня стояла к нему полубоком, воинственно отгородившись плечом, в прищуре он не смог бы найти ничего, кроме настороженного удивления. Но, кажется, его это не смущало.

– А ты, выходит, начитанный, – ирония в голосе девушки заставила его криво усмехнуться.

– А чё бы нет, с умными челами третий год общаюсь, приходится соответствовать... Так чего тебя папаша припряг к землероям? Накосячила по-крупняку?

Анна вздохнула устало и попыталась его обойти, он оказался проворней, снова вырос перед ней.

– Не к землероям, а к кухрабочим, – отодвинув широкоплечего в сторону, прошла, наконец, дальше.

– А меня Тим зовут, – парень снова оказался рядом, шёл широко, уверенно.

– Мне так-то по барабану, – Аня пожала плечами.

– Чё, не понравился? – парень чуть развернулся к ней лицом и шёл теперь спиной вперёд.

Аня покосилась на заложенные глубоко в карманы сильные руки, скользнула взглядом по бронзовой коже плеч:

– А ты не сторублёвка, чтобы нравиться, – отрезала.

– И то верно, – кивнул парень добродушно, снова развер-

нулся лицом к дороге. – Смотри, могу замолвить за тебя словечко, взять в море, на раскопки эти ваши. Или в дельфинарий, с дельфинами поплавать. Все ж хотят... Ну, с дельфинами, я имею ввиду. А никому не дают. Я бы провёл. У меня знаешь какие связи! – Он подмигнул. – Если ты, конечно, хочешь выбраться из-под кастрюльно-картофельного гнёта.

Анна остановилась, замерла. Посмотрела через плечо на нового знакомого: тот выглядел так, будто говорил всерьёз.

– А с чего это вдруг? – настороженно уточнила девушка, поворачиваясь к нему.

Тот наивно похлопал выгоревшими ресницами:

– Просто так. Считаю, из гуманитарных соображений. Жалко: человек на море выбрался, а его – черепки мыть. Или чего там у вас мыть полагается?

Аня усмехнулась, выставила вперёд указательный палец:

– Учти, ты сам предложил, значит, я тебе ничем не обязана. Понял?

– По-онял, – он коротко хохотнул. – Бэзвозмез-ды-но. То есть дадом, – он смешно прогнусавил, спародировав Сову из мультика про Винни Пуха и, не вытаскивая рук из карманов, направился к стоянке машин.

Аня видела, как он завёл черный пыльный байк с хромированными боками, напялил черные солнцезащитные очки и, махнув знакомым, вырулил на просёлочную дорогу. Уже через мгновение его загорелая спина растворилась в быстро движущихся южных сумерках.

Загрузились на катер ещё до рассвета.

Гладкое, словно фольга, море отсвечивало нежно-розовым: солнце уже коснулось линии горизонта. На небе слабо светила ещё не успевшая спрятаться луна. Тёмные фигуры участников экспедиции скользили между камней, цепляли длинными лучами фонарей за сопки. Тим деловито принимал на борт оборудование для дайвинга, канаты, скрученные тросы, ящики и коробки неизвестного Анне назначения.

Она молча передавала с каменистого берега всё, что оказалось сгружено у линии прибоя, и ничем не выдавала своего неведения, пока Али, принимавший оборудование в катере, не спросил, приподняв ярко-жёлтые баллоны:

– А на кой загрузили использованные баллоны аквалангов, кто скажет?

Аня растерялась. Она увидела их на берегу, чуть в отдалении от места погрузки, и решила, что кто-то их забыл там. Довольная своей внимательностью и зорким глазом, перетащила на берег и, конечно, сунула в катер.

– А почему они использованные? Где это написано?

Али поднял два баллона чуть выше головы:

– А ты не заметила, что они легче остальных?

Девушка закусила губу: заметила. И даже обрадовалась, что ей достались такие лёгонькие. Неожиданно на помощь

пришёл Тим:

– Да выкинь ты их на берег, и всё. Ну, не знал человек. Теперь знает. А ты устроил тут сепарацию с реституцией...

Али отвернулся, молча проверил оставшиеся баллоны, аккуратно, чтобы не повредить, спустил пустые на берег, покосился на Тима – тот как раз перепроверял оставшиеся на борту и закреплял оборудование в оранжевых ящиках:

– А ты вообще знаешь, что такое сепарация и реституция?

Тим, не оборачиваясь:

– Не-а. Нафиг мне это? Но слова прикольные, – он шмыгнул носом, распрямляясь. – Даже на тебя действуют магически!

– Паразит ты, – пробубнил Али под общий хохот: – А я голову ломаю: при чем тут сепарация и реституция...

Вышли в море с восходом. Тихий ласковый прилив, прозрачные волны; на глубине – разноцветная галька в лучистой сетке просыпающегося солнца. Катер набирал скорость, медленно вырубивая из бухты мимо скал по мелководью.

Анна замороженно смотрела за борт. Вода казалась живой, дышащей и родной. Гладкая поверхность сверкала и серебром, и золотом, отливала то ледяным холодом, то огненной зарей. Когда вошли в тень небольшого лысого каменного острова – пристанища русалок и крикливых чаек, – море стало чёрным, словно нефть, тяжёлым. Лицо Анны в его отражении – будто причудливая неживая маска: светлые воло-

сы опутали лицо, серебристыми змеями уходили в чёрную глубину. Синие глаза искрились пугающей синевой. Отражение, повторяя движения своей хозяйки, чуть запаздывало: мигало медленнее, поворачивало голову с задержкой. В одно мгновение ему, видимо, надоело гримасничать и оно исчезло в чернильной глубине.

Девушка свесилась за борт, глядя в воду. Ведь такого точно не бывает, верно? Чтобы смотреть в зеркало и не видеть собственного лица? Конечно, при условии, что ты – не призрак. Анна изогнулась, почти касаясь пальцами маслянистой глади. Отражение вынырнуло из глубины, улыбнулось холодно.

Катер резко взял вправо, набирая скорость. Поверхность моря внезапно оказалась близко, в воде мелькнуло родное и живое отражение испуганного лица и рассыпалось, бросив в глаза охапку солёных брызг. Рывок назад, медвежья хватка на лодыжке, дикий ор сквозь пелену:

– Офигела, что ли? За борт захотела?! – Вчерашний знакомец орал в лицо, тряс неистово за плечи.

Анна выдохнула порывисто. Ледяной волной на неё накатили запахи, звуки и понимание произошедшего: она едва не вывалилась за борт. Тим заметил, втащил на катер. На ноге краснели следы его пальцев, колено оцарапалось о борт. Али и Боря смотрели на неё настороженно, словно ожидая, что она ещё выкинет.

– Я нечаянно, – пролепетала девушка и, обхватив колени,

отползла к корме, вжалась в сырое от брызг дно катера.

Тим закатил глаза, кажется, немного успокоился. Сел рядом, на пластиковую скамью:

– У тебя мозги вообще есть?

– Есть...

– Ну так пользуйся, блин! – ругнулся Тим и, перехватив её запястье, потянул на себя, усадил рядом. Хмуро посмотрел на гематому в форме собственной пятерни: – Болит?

Аня смущённо поправила сбившуюся бандану, тугие ленты дредов рассыпались по плечам. Она только сейчас поняла – в том отражении их не было. В нем распущенные серебристые волосы скользили по волнам, размешивая тёмную воду. В голове гулко запульсировало, сердце было готово вырваться из груди.

Девушка прикрыла рот тыльной стороной ладони: в черно-смолистых водах отражался кто-то другой!

Вторая серия

*За пять месяцев до этого,
Москва,
Бар «Daddy's Pub»*

1

Госпожа Метелица замешивала на столичных улицах молоко пополам с грязью. Золотистые огни новогодней иллюминации рассыпались в мутной взвеси дождя, отражались в тёмных безрадостных лужах, путались под ногами прохожих. Роскошные отели, витрины дорогих бутиков и ресторанов выглядели слишком вычурными и чужими не только для гостей огромного города. Здесь все было чересчур. Слишком дорогие, взятые в кредит авто, слишком благоустроенные, обременённые ипотекой квадратные метры, слишком много работы, слишком мало времени, чтобы жить.

Торопливо перешагивая через стянутые стылой шугой лужи, шёл человек. Верхнюю часть лица скрывал капюшон, нижнюю – клетчатый шарф. Широкие джинсы-трубы с заплатками самых экзотических цветов и форм выдавали юный возраст своего хозяина.

Человек, бросив мрачный взгляд на застывшие в пробке

машины, перешёл дорогу и поднялся на крыльцо уютного паба. Тонкое запястье в разномастных кожаных браслетах мелькнуло из-под широкого рукава куртки, пальцы сомкнулись на зеленоватой мраморной ручке.

Одно мгновение посомневавшись, незнакомец дёрнул тяжёлую дверь на себя. Видимо, был сложный день, и сил совсем не осталось – дверь подалась только со второго раза.

Запахло горячими гренками с чесноком, и вошедший судорожно сглотнул, сообразив, что последний раз что-то ел ровно двенадцать часов назад. Желудок тоскливо сжался.

– Вам помочь чем-нибудь? – подошла девушка-администратор в аккуратном деловом костюме. – У нас сегодня отличный глинтвейн. Могу предложить вам столик на втором этаже, там у нас галерея, вы будете видеть зал, и слышать музыку, но в то же время сохраните уединение...

Незнакомец рассеянно кивнул, прекращая поток предложений, посмотрел через головы гостей в зал, на освещённый полукруг сцены.

– Спасибо, не нужно, я здесь по делу, – девушке-администратору пришлось чуть наклонить голову, чтобы расслышать ответ, а гость тем временем стремительно двинул к небольшой сцене.

– Молодой человек, в одежде у нас нельзя! – крикнула администратор и рванула за гостем. Ловко догнав, преградила дорогу и повторила: – Молодой человек, в верхней одежде в зал нельзя.

– Кто молодой человек? – незнакомец сбросил, наконец, капюшон, открыв девичье лицо. По плечам рассыпались серебристые змеи дредов с подвешенными к ним пиратскими монистами и этническими бусинами. Незнакомка смотрела с издёвкой, наслаждаясь тем, как вытянулось лицо администратора, как округлились глаза и часто-часто заморгали. А рот приоткрылся, собираясь что-то сказать, но слова потерялись где-то на пути мозг-язык.

Девушка-администратор обмякла и шумно сглотнула:

– Простите, пожалуйста, но вам лучше воспользоваться гардеробом для гостей, – проямлила она.

Незнакомка, на вид едва восемнадцать, от силы – девятнадцать, невысокая, худенькая, темно-синие глаза смотрели с вызовом, на губах играла тонкая усмешка.

– Опять осечка. Я и не гость, – губы синеглазой растянулись в широкой улыбке, совершенно не тронув ледяной синевы глаз. Она кивнула музыканту – высокому харизматичному мулату с густым ёжиком на одной половине головы и каскадом брейдов – на другой. – Я вот с ним... Здорово, Скат.

Мулат кивнул, не прекращая играть. Мелодия из известного блокбастера в его исполнении едва сохранила главную музыкальную тему и угадывалась с трудом.

– Опаздываешь, – коротко бросил он. Синеглазая скинула куртку с плеч, сунула её в угол, за колонку. – Что поем?

– Давай «Калипсо», – мулат прищурился.

Синеглазая кивнула и подошла к стойке микрофона.

Взрыв – звук обрушился на гостей паба, заставил прекратить беседы и повернуться к сцене. Ритм изменился, став сумрачно-тревожным.

Синеглазая прикрыла глаза, впитывая в себя эти звуки.

– В потоках чёрных, Под сердцем тьмы, Где ангел ждёт... В лучах мечты, – её голос то сливался с глубоким и гулким басом, то вырывался легкокрылой птицей ввысь, нежный и звонкий, глубокий и порывистый. Поразительный эффект: каждому, присутствовавшему в зале, казалось, что эта хрупкая девушка поёт для него. – Исчезнет небо, Пройдут дожди, Но ты не скажешь мне «прощай»...

С верхнего этажа спустился немолодой мужчина, занял свободный столик у выхода из зала. Подозвал официантку. Та, быстро приняв заказ, принесла ему два высоких стакана и бутылочку питьевой воды без газа. Мужчина скрестил руки на груди и откинулся на спинку высокого кресла. Его взгляд был обращён на тонкую фигурку в лучах софитов. Губы плотно сжались, по лицу пробежала тень, осев в уголках серых глаз.

– И мы пойдём на небеса, Оставив на других, Мечты, дела, любовь, Надежду выжить, – повторял голос певицы, переходя в грудной регистр. Она пела так, словно это было последнее выступление в жизни. Последний раз перед тем, как уйти на небеса.

Песня оборвалась, выбросив слушателей в вязкую тиши-

ну. Синеглазая, словно очнувшись, отошла от микрофона. Этого движения оказалось достаточно, чтобы зал взорвался аплодисментами. Девушка смущённо поклонилась, и тут же, заметив в углу пожилого мужчину, будто окаменела. Глаза потемнели, уголки губ тревожно опустились.

– Ты в норме? – Скат подошёл сбоку, чуть приобнял за плечи, отгораживая от зрителей – её замешательство он воспринял по-своему.

Девушка торопливо кивнула, выныривая из-под его руки и направляясь в зал, к неприветливому мужчине, продолжавшему сидеть, скрестив на груди руки.

Она прошла через зал под любопытными взглядами гостей, замерла в полуметре от столика сердитого мужчины. Синие глаза стали неприветливо черными, губы сомкнулись в напряжённую линию.

– Не ожидала тебя здесь увидеть.

Мужчина оглядел её с ног до головы, зацепившись взглядом за дреды, рассыпанные змеями по плечам, презрительно скривился:

– Признаться, я был ещё больше удивлён. Не каждый отец готов увидеть свою дочь в качестве певички в кабаке.

– Да, не повезло тебе, – вздохнула девушка, усаживаясь на свободное кресло напротив. – Сам-то что по кабакам шляешься?

Отец сверкнул глазами:

– Анна! – его голос сорвался на возмущенный крик, за-

ставив оглянуться парочку за соседним столиком. Отец взял себя в руки, прошипел: – Не смей говорить со мной в таком тоне!

Девушка равнодушно пожала плечами, пододвинула к себе бутылочку с питьевой водой, откупорила крышку и плеснула в ближайший стакан. Поднеся его к губам, остановилась, посмотрела выразительно на мужчину:

– Можно? – и, не дожидаясь разрешения, выпила залпом. – Так зачем ты здесь?

Она облокотилась на тёмную, искусственно состаренную столешницу, рубашка сползла с худого плеча, оголив женственный изгиб. Отец прищурился, не в силах оторвать взгляд от странного объекта сбоку на шее: тонколапый паук с жирным брюшком. Хищные челюсти расставлены, коготки почти впились в тонкую беззащитную кожу, ходильные ножки агрессивно согнуты, капля света играет на гладкой поверхности чёрного экзоскелета. Мужчина помрачнел и нервно сглотнул:

– Что это?

Девушка спрятала улыбку, автоматически поправила ворот рубашки:

– Три дэ тату. Черная вдова. Прикольно, да? – Она, кажется, начинала успокаиваться.

Отец прикрыл глаза, вздохнул.

– Как давно ты занимаешься этим непотребством?

Девушка изогнула бровь:

– Что именно ты называешь модным словом «непотребство»? Татушку, дреды или экстрим-вокал?

Отец дёрнул плечом, словно затвором автомата:

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я, не строй из себя идиотку! – парочка за соседним столиком опять оглянулась. – Как давно ты поешь в кабаках?

Девушка тяжело посмотрела, в глазах плескалось чернильно-чёрное небо.

– Вообще тебе повезло, это был мой дебют в этой ипостаси, – прошептала девушка, руки крепче сжали прозрачные бока высокого стакана. – Но, судя по сегодняшнему успеху, на уик-энды нас точно будут приглашать.

Она испытующе разглядывала отца. Отметила про себя, как тот постарел – худоба ему не шла, на губах вертелся злой комментарий о том, что молодая жена плохо кормит. Анна сдержалась. Напомнила себе, что обещала матери не обострять.

Он перестал жить с ними, когда Анне было семь. Она до сих пор помнит тот вечер, когда проснулась от нависшего над ней тревожного ожидания чего-то страшного и непоправимого. В кухне горел свет. Она встала, прошлёпала босыми ногами по коридору. Тогда она в первый и единственный раз в своей жизни увидела, как ругаются родители. Остервенело. Бесшумно. И оттого ещё более страшно.

Отец, хищно нависнув над мамой, что-то шептал ей, выплёвывая слова, словно яд. Мама прятала лицо, закрывалась

ладонями, а плечи вздрагивали от каждой брошенной отцом фразы.

Эта сцена навсегда поставила её на сторону, противоположную отцу. Не разбираясь в причинах, не вслушиваясь в объяснения, не обращая внимания на доводы, она неистово отстаивала любую точку зрения, лишь бы не отцовскую.

И однажды он просто собрал вещи и уехал. Официально – на раскопки, он тогда впервые получил грант на полевые исследования на Чёрном море. Из той экспедиции к ним он так и не вернулся.

Мама повесила новые занавески и продала супружескую кровать.

Отец иногда мелькал на горизонте, вроде даже перечислял какие-то деньги – Анна никогда не спрашивала, а мама никогда не рассказывала подробности. Года через три он женился повторно. Кажется, банально на своей студентке. Потом снова развёлся и женился ещё раз – Анна уже не вникала в подробности. Словно сводки с чужого фронта.

За почти тринадцать лет можно было бы привыкнуть. Но не получалось. При каждой встрече в груди поднималась обида, а в воспоминании вставала та безобразная сцена в кухне и его горящие неприязнью глаза.

– Я не хочу, чтобы ты тут пела, – отрезал отец, вырывая девушку из воспоминаний. Та удивлённо хмыкнула:

– Мне кажется, право вмешиваться в мою жизнь ты потерял много лет назад. К тому же, я совершеннолетняя, – Ан-

на понимала, как это предсказуемо звучит, нахмурилась. – Слушай, а чем тебе это не нравится? Я зарабатываю деньги, на свою учёбу, между прочим. Разве это плохо?

– У тебя, насколько я знаю, бюджетное место, – сверлил её взглядом отец, то и дело отвлекаясь на татуировку паука на шее дочери.

Она покачала головой:

– Я музыкант. Мне нужно оборудование, микрофон, микшер профессиональный, опять же, в Щепке дают только академ вокал, мне нужен экстрим. Все эти техники... Оплачивать уроки нужно, мастер-классы, и это все недёшево стоит. Ни у тебя, ни у матери я ничего не прошу. Чем тебя это не устраивает?

Отец бросил презрительный взгляд на Ската:

– Мне не нравится эта компания. «Секс, наркотики, рок-н-ролл»... Что тебя, дочь археолога с мировым именем, может связывать с этим пьющим сбродом? Я не понимаю, откуда в тебе это... как к тебе это прилипло?

Анна почувствовала: ещё мгновение, и он начнёт так же изрыгать ругательства на её голову, как тогда, в кухне. Девушка глянула исподлобья.

– Угу, только этот археолог с мировым именем так-то не сильно заботился о воспитании дочери. Как свалил тринадцать лет назад, так и воспитание закончилось. И кстати, «пьющий сброд» – это Скат, что ли? – она невесело усмехнулась. – Он, знаешь ли, правоверный, если что... – Отец за-

мер, девушка закатила глаза, пояснила: – он верующий, понимаешь? Им что алкоголь, что любая дурь – харам, нельзя. Скот не курит даже...

Отец недоверчиво покосился на мулата.

– Я готов дать тебе требуемую сумму, но чтобы ты больше здесь не появлялась...

Девушка равнодушно покачала головой:

– Спасибо, но нет. Timeo Danaos et dona ferentes. Страшно даже подумать, что ты потребуешь взамен. – Отец хотел что-то сказать, Анна заранее прервала: – Мне правда не интересно. И ничего от тебя не надо. Тебе есть, на кого потратить свои деньги, верно?

Высказала и тут же пожалела, что не сдержалась, ведь обещала же. Но слово не воробей, отец уже поджал губы, смотрел уничтожающе.

Анна встала:

– Спасибо, что послушал мою песню, не сбежал. Ты, кстати, так и не сказал, понравилось ли тебе...

Не дожидаясь ответа, махнула на прощание рукой и стремительно направилась к сцене. Скот дал серию битов, предваряя её следующее выступление:

– «Лола», – скомандовала Анна, мулат кивнул и свёл ритм на «нет», сделав паузу.

– Снова улыбнись – пойми: лишь завтра очнусь от беды. Не утешай меня, не лги мне. Привет, знаешь, мне не стать уж прежней. Не плачь.

Она пела на этот раз для него – старика с суровым непримиримым взглядом, назвавшим её жизнь, единственно важное в ней, непотребством. Пела, словно стараясь смыть, как грязь, приклеенный ярлык.

Тёмная фигура поднялась из-за столика у стены. Отец, не оглядываясь, вышел из зала.

Вроде недавно это было, а будто бы в прошлой жизни.

«Только бы не пожалеть об этом», – Анна устало прикрыла глаза, спрятала холодные ладони между коленями, стараясь унять дрожь: видение по-прежнему беспокоило. Воспоминание о том, как все началось – испарилось без следа.

2

– Смотри, дельфины, – Тим толкнул ее под локоть, выводя из оцепенения, указал вдаль.

В самом деле, смоляная гладь то и дело бугрилась, взрывалась радужными брызгами, и в них, будто в волшебном облаке, скользили дельфины.

– Три спинных плавника видишь? – Тим не сводил глаз с линии горизонта, улыбка расползлась по небритому лицу. – Один крупный – это папаша, значит. Второй, поменьше, мамка. И воон тот маленький между ними, видишь? – парень прищурился, показал рукой на суетливый холмик между волн. – Детёныш.

– По мне так все одинаковые, – Аня старательно пыталась найти отличия, подспудно предполагая, что дайвер над ней подшучивает: как можно что-то разглядеть на таком расстоянии? Парень хмыкнул, сочувственно пожал плечами:

– Городская, что с тебя взять...

– А ты откуда так хорошо в дельфинах разбираешься? – Анна равнодушно уставилась на линию горизонта.

Тим перекинул ногу через сиденье, развернулся к девушке, полностью загородив собой обзор:

– Так я ж в дельфинарии работаю с шестнадцати лет. В начале бассейны чистил, мыл там всё, кормил. Здесь у нас, в Анапе. В Утрише тоже работал пару сезонов, – парень мечтательно шурился, смотрел мимо собеседницы. – Они прикольные, дельфины эти. И умные. Ну, так вот, мне шестнадцать было, я как раз несколько месяцев отработал в дельфинарии разнорабочим. Кормёжку делал, то-сё, к дельфинам меня не подпускали особо. И вот отец у нас помер. Мать в больнице. А у меня сестры на руках, старшей тогда шесть было. Малой, Светке, едва годик. Щекастая такая деваха была. Да и сейчас тоже... И вот сижу я у бассейна, сортирую рыбу. И реву, чё... Пацан ещё, молодой, – он помолчал, задумавшись. Аня притихла. – А они подплыли к самому бортику, морды свои длинные высунули, на плавники встали, хвостами бьют... Понимают они всё. Данька и Ульрих, это старшие тогда были, самые опытные, что-то вроде шефства надо мной взяли: в моё дежурство всегда подплывали, норо-

вили водой окатить, а то и к себе утянуть.

Он неожиданно замолчал, уставился вслед удалившейся дельфиньей семье.

– И что?

– А... Тренер заметил, предложил мне к себе перейти. И знаешь, – он неожиданно воодушевился, склонился к девушке. Анна почувствовала лёгкий мятный аромат, смешанный с запахом моря и глубины. Соль, йод, разогретые на солнце кипарисы и что-то ещё тёмное, манящее.

– Ульрих меня будто в стаю принял. Это он меня научил, как под водой дышать.

Анна озадаченно молчала: шутит или нет? Кажется, серьёзно говорит.

– Я думала – все дело в оборудовании.

Парень снисходительно улыбнулся:

– Да прям. Знаешь, почему я в вашей команде? Почему сейчас квадрат отрабатывает не группа профи археологов-дайверов, а простой анапский парень Тимоха Торопов? – Аня мотнула головой. Дайвер посмотрел ей в глаза: – Ну, скажи мне, на какой глубине обычно дайверы работают, знаешь?

Девушка пожала плечами. Торопов самодовольно хмыкнул:

– Метров двадцать или тридцать при хорошем оборудовании и маломальской подготовке. Мировой рекорд знаешь какой? Около трёхсот. Но там мужик-дайвер несколько лет

готовился целенаправленно. Погружение заняло десять минут, а подъем – почти десять часов.

– Ого!

– Ого. И поэтому я в группе – технических дайверов в этих краях не много. А надо идти на глубину сто двадцать, а то и сто тридцать метров. Там ничего нет. Там даже не вода, а сероводород. И лучше меня эти воды никто не знает. Потому что без акваланга могу находиться под водой до восьми минут. А это что означает? Что баллона мне хватает на несколько часов больше, чем любому другому. Мировой рекорд по фридайвингу сейчас двенадцать минут, к слову сказать, – он посмотрел с вызовом: – Это Ульрих меня научил, как дышать под водой без акваланга, как двигаться, как существовать на глубине. Он меня сделал.

Аня наблюдала. Неказистый, грубоватый парень, когда заговорил о море, будто стал выше, казался сильнее и надёжнее. А он продолжал:

– Мне иногда кажется, что я должен был родиться рыбой. Или дельфином. Если день или два не ныряю, – он махнул рукой, – всё, помираю. Ломка прямо.

К ним подсел Али, подмигнул девушке:

– Он тебе ещё не надоел? Тим, судно обеспечения встало на рейд, группа водолазов из Анапы тоже с ними прибыла, так что твоя команда в сборе.

Забравшись в крохотную рубку, Аня почувствовала себя селёдкой в консервной банке: сюда набилось, помимо Али, Тима и Бори, ещё семь или восемь человек, по большей части незнакомых девушке. Боря Строганов сегодня был оператором, Али проводил инструктаж и раздавал задания:

– Дата – двадцать восьмое мая, время семь-тридцать, – он сверился с часами. – Сегодня совершается пробное погружение. Задача группы в составе руководителя поискового сектора Али Саракаева, оператора Бориса Строганова, руководителя группы технодайверов Тимофея Торопова – подтвердить сохранность объекта 2/17 с прошлого сезона, уточнить координаты залегания и произвести повторную видеосъёмку дна сонаром, получить максимально подробный план рельефа дна. Съёмку магнитметром для фиксации всех металлических аномалий проводим в следующий раз, расширенной водолазной группой. Метеосводка на период производства работ положительная, штиль. Погружение с Тороповым согласовали двойками, первая: Торопов и Сухов. На вас установка ходового конца, координаты и съёмка, если позволит время. Вторая двойка: Ильин, Лебедев. На вас съёмка и первичное исследование. Страхует Кох, на обеспечении Фадеев. Строганов на связи. Координация работ с поверхности – Саракаев, то есть я. Задача всем ясна? – Али, посмотрев в

упор на Тима, перевёл взгляд на присутствующих водолазов.

Торопов мрачно кивнул, пробурчал:

– Ничего не трогать, никуда не соваться, расставить маячки и маркеры, быть вашими руками, ногами и глазами и подняться на борт исследовательского катера по первому требованию, – заученно повторил дайвер.

Али удовлетворённо хмыкнул, выставил вверх указательный палец, произнёс выразительно:

– И без самодеятельности.

Тимофей поджал губы, но промолчал. Аня усмехнулась: явно была какая-то история, которой герой-водолаз делиться не спешил.

Ещё некоторое время спустя, когда были завершены подготовительные работы, медосмотр спускающихся на дно водолазов, подготовлены и проверены гидрокостюмы, оборудование и инструменты, над Тимофеем и его напарником сомкнулись бирюзово-прозрачные воды. Аня перешла с нагретой солнцем, пахнувшей солью и пластиком палубы обратно в рубку, к Али и Боре. По громкой связи Тим как раз сообщал, как происходит погружение.

4

– Глубина двадцать метров, проходим зону термоклина, – приглядевшись, девушка увидела, как камеры, закреплённые на гидрокостюме Тимофея, выхватили из изумрудно-зе-

лёной темноты скопление огромных зонтиков медуз. Они плыли, собираясь в причудливое подобие подводного ков-ра-самолёта, который пульсировал, дышал и искрился электрическим розовым.

Аня притихла, больше всего на свете мечтая оказаться сейчас рядом с водолазом, нырнуть в эту пугающую чернотой бездну.

– А какая здесь глубина? – она под села к Али.

– Объект 2/17 затонул на отметке восемьдесят четыре метра, – он достал из холодильника минералку, откупорил с шипением, потом протянул девушке. Аня отказалась. – Но он как бы в отдалении от основного скопления кораблей. А так глубина залегания объектов от ста двадцати четырёх метров до полутора километров, – он ткнул в карту. – Там прошла приборная съёмка, в прошлом сезоне спускали роботов. Ну, как бы человека туда и не спустишь, поэтому вот эта находка для нас – прямо находка-находка. Нашли в самом конце прошлого сезона и ещё не исследовали. Поэтому сейчас назначили повторный забор первичных данных, ну и там уже дальше будем решать.

Аня сосредоточенно всматривалась в подслеповатый монитор: Тимофей стремительно погружался, изображение становилось все более тёмным, насыщаясь чернотой, сглатывая последние лучи солнечного света.

– Пятьдесят метров, – прошелестел голос из динамика.

Свет солнца постепенно пропал, вода перед камерой при-

обрела сине-зелёный оттенок, мутный и неприветливый. Мелкие белёсые пылинки то и дело проплывали в лучах прожектора, будто призраки. Анна видела, как некоторые из них приближались к объективу, замирали на мгновение, будто проверяли, кто посмел посягнуть на их вековой покой.

– Что это? – прошептала девушка, сама удивившись, как сел её голос.

– Планктонные рачки, – небрежно бросил Боря, отхлебнул минералки. – Ещё несколько десятков метров, и не останется даже их.

Девушка присела на край свободного стула:

– Так там, на глубине, что, совсем жизни нет?

Али и Боря переглянулись:

– Не считая душ погибших кораблей, единственные живые там – наш Тимоха и Гриша Сухов.

Али добавил:

– Мёртвая зона, известная в научной среде как анаэробная – безжизненная пустыня. Если и есть на земле прямой вход в царство смерти, то оно здесь, под тобой.

Девушка нервно сглотнула. Ладони вспотели, вспомнилось жуткое лицо там, у скал. И отчего-то росла тревога за дайвера.

– Восемьдесят четыре метра. Упали на дно, – сообщил голос Тимофея из динамиков. – Следов кораблекрушения пока не обнаружено. Видимость девять метров.

– Черт, – Али с Борисом переглянулись. Снова голос со

дна Чёрного моря:

– Принимаю решение отойти от выброски.

– Мужики, осторожнее там!

В приглушенном голосе дайвера теперь чувствовалось напряжение:

– Два метра от выброски на северо-запад. Три. Четыре. – Тим прошелестел в динамиках: – Пляши, Саракаев, вижу твой объект 2/17. На месте, никто не спёр. Закрепляемся.

Его напарник дублировал сообщения, Борис отмечал в журнале их передвижения.

– Как себя чувствуете, ребята? – Али посмотрел на обеспечивающего погружение Фадеева, щуплого молчаливого парня лет двадцати пяти.

– Как на курорте, – отозвался Тимофей из динамика. – Тут клёво, мужики... и присутствующая дама. Тишина, пустота, никто не триндит, ходи, куда хочешь, трогай, что тебе вздумается... Да-а, поломало наше судёнышко. – Робот в прошлом сезоне и половины не заснял, надо дать ему по шее.

– Днище будто оторвано, – голос второго водолаза, – вижу фрагменты на расстоянии от двух до десяти метров от корпуса. Дальше – плохая видимость, надо проверить. Прогуляемся, Тимох?

– А чего б не прогуляться.

– Отставить прогулки. Ограничьтесь панорамной фотосъемкой, – скомандовал Али. – Подробную карту прилегающих к объекту фрагментов поручим сделать ботам.

Тимофей неохотно крякнул:

– Вот и отправлял бы своих ботов. Чего мы тогда спустились. Вот, девушка рядом с тобой сидит симпатичная, ждёт, небось, романтики, а я только мутную лужу показываю.

Али покосился на покрасневшую Аню, сказал подчеркнуто спокойно:

– Торопов, не зли меня. Выкину из отряда.

Тимофей шмыгнул носом – в динамиках шумно грохнулось и прошелестело – пробубнил:

– «Выкину, выкину», куда ты без меня, интересно... Двигаюсь по направлению к кормовой части, вернее, месту, где она должна быть. Гриш, ты это тоже видишь?

– Ага...

– Что там у вас, у нас нет изображения, – Али переключил камеры.

– Ещё один необычный случай в копилку Оза. Дно корабля словно вырезано мечом джедая. Фиксирую оплавленные края, – он увеличил разрешение, позволив наблюдающим увидеть то же, что и он сам.

Аня, хоть и ничего не понимала и мало что могла разглядеть, вытянула шею. Серые доски, гладкие, полированные, едва припорошенные белыми хлопьями донных осадков. Под ними даже можно разглядеть тонкий греческий орнамент. В кадр попала рука в толстой перчатке, неповоротливые пальцы коснулись разрыва в деревянных плахах:

– Может, поднять фрагмент? – предложил Гриша из ди-

намика. – Сетка с собой. У нас ещё минут двенадцать спокойно есть.

Али кивнул:

– Давайте, хорошее дело.

Тимофей и Гриша Сухов принялись придирчиво выбирать из разбросанных вблизи судна обломков подходящий фрагмент дерева.

Аня смотрела вглубь корабля, в темноту, под палубу, истерзанную крушением. Синий луч прожектора пробивал чёрную, плотную пелену от борта до борта и упирался в пустоту. На белом мелком песке, смятые и разорванные, лежали круглые вязанки чего-то плотного, слоистого – под тонким саваном ила не разглядеть. Рядом – какое-то непонятное тряпье неопрятной кучей, железные прутья, раздавленные бочонки, перевёрнутые амфоры. Анна смотрела в дальний закуток, куда луч прожектора едва проникал. В нос ударил горьковато-приторный запах застарелого масла, дёгтя. Девушка поморщилась, пригнувшись. Но, кажется, никто кроме неё, этого не чувствовал: ребята продолжали обсуждать поднимаемые фрагменты.

Тим подплыл к уцелевшей палубе, завис над ней:

– А тут что-то вроде рубки, прикиньте, – сообщил наверх и посветил на накренившуюся дощатую крышу, покосившиеся конструкции. – Это значит какого века судно-то?

– Гадать не будем, радиоуглеродный анализ точнее скажет, – отрезал Али, – но по виду похоже на византийское

торговое, начала одиннадцатого века где-то.

– О-бал-деть... тысячу лет пролежало. Даже не верится.

Он продвинулся над выступающим куполом рубки; Аня видела попадающие в объектив руки и фрагмент троса. Он осветил через проем внутрь короба – разбросанные вещи, перевернутый стол съехал к дальней стене. За оборванным тканым пологом виднелось ложе. Аня почувствовала, как её сердце пропустило удар. Тимофей продолжал обследовать судно.

Посветил в проём выломанной стены, осторожно заглянул внутрь:

– Мне кажется, это что-то вроде капитанского кубрика.

Ну, так прилично все, с комфортом.

– Только не туда, – прошептала Аня и закрыла рот ладонями. Али и Борис на нее оглянулись, не расслышав.

Голос Торопова доносился как с другой планеты, слоги и целые слова пропадали:

– Я... фи...ю... мо...у...ять...

Али забеспокоился:

– Тимофей, плохо слышу тебя. Возвращайся. Если слышишь меня, подними вверх один палец. Приём!

Голос дайвера совсем пропал, превратившись в белый шум, а на экране мелькнул в выбеленном светом кружке большой палец. Аня закусила губу, смотря безотрывно на монитор, в котором сменялись мутные картинки, выхватывая из преисподней фрагменты древнего кораблекрушения:

некогда богатое убранство, золото парчи, рассыпанные по полу женские металлические браслеты. Откуда она знает, что они женские? Откуда ей знаком, к примеру, вот этот, жёсткий кованый с мультяшным солнцем в центре и сценами охоты? Перед глазами вспыхнуло и погасло солнечное утро, женская рука, сжимающая поводья, и вот этот самый браслет на запястье. И смех. Звонкий. Но от него похолодело всё внутри.

Фадеев обратился ко второму водолазу:

– Гриш, чего там с Тороповым, связь барахлит.

– Да нормально все, помехи какие-то, – отозвался Сухов. –

Вижу его. Готовимся к началу всплытия.

Тимофей оглянулся на коллегу, поманил рукой. На короткое мгновение экраны отразили обоих водолазов – их взаимные отражения в иллюминаторах шлемов.

Аня подскочила, взвизгнула: на гладкой поверхности отчётливо отразилось узкое женское лицо. Синие глаза смотрели напряжённо, будто выбирая места человеческой плоти, в которые удобнее вцепиться. Тонкие губы изогнулись в зловещей ухмылке. Светлая кожа, сияющая в темноте словно январский снег, мелькнула в отражении. В ту же секунду лицо замерло маской и растаяло в темноте.

Словно укол ледяной шпагой, Аня почувствовала холод в сердце, и тут же выскочила из рубки.

Равнодушные волны лениво поворачивались под солнцем, грелись, вздыхали, ожидая окончания штиля.

Испуганная девушка на корме крохотного дайверского катера с тентованной крышей. Ее рвало. Судороги скручивали живот, вспотевшие ладони скользили по горячему пластику.

Боря деликатно подождал, подошел ближе.

– Ты как? Помощь нужна? – протянул запотевшую минералку. Девушка приняла, но открывать не стала. Приложила влажный бок бутылки ко лбу.

– Все нормально: жара, – вдохнула терпкий солёный воздух.

Парень сочувственно посмотрел сверху вниз, шмыгнув носом.

– Это, наверно, из-за вот твоего войлока на голове, – предположил он, косясь на серебристые змеи дредов.

– Это не войлок, это канекалон, искусственное волокно, – пробормотала девушка, усаживаясь на мокрую палубу.

– А зачем? – Боре, кажется, было интересно.

Девушка прикрыла глаза, пожалала плечами.

– Сценический образ.

Парень, кажется, был удивлён:

– Погоди, так ты что, не историк, не археолог? Не продолжатель династии? – девушка покачала головой. – Ни фи-

га себе... А мы были уверены, что дети Великого и Ужасного могут пойти только по его стопам. – Он присел рядом. – «Сценический образ» – это как? Ты актриса, что ли?

Анна переложила запотевшую бутылку, прижала к виску. – Певица, – на восхищенно-удивлённый вздох археолога Аня лишь отмахнулась: – Не парься. Я начинающая. Пока только подаю надежды...

– Но это все равно очень круто.

Девушка хотела сменить тему, приоткрыла глаза – два водолаза на надувной лодке замерли у красного буя, вглядывались в темноту сонной воды. Спросила:

– Когда первая группа поднимется?

– Да уже. Сейчас фрагмент отправят по «лифту» и будут подниматься. – Словно в подтверждение его слов в паре метров от красного буя и группы обеспечения всплыл ярко-красный мешок. Боря обрадовался, махнул коллегам: – О, а вот и он. Ребят, сюда его!

Из рубки вышел Али, помог затащить на борт наполненный воздухом мешок с привязанной к нему сетчатой сумкой. Аня все ещё чувствовала тошноту, поэтому была рада, что о ней временно забыли, с наслаждением прижалась лбом к прохладной бутылке с водой. Крохотные пузырьки мельтешили и искрились на солнце.

– Круто, посмотри, Борь, вообще без повреждений, – до неё доносились восторженные голоса археологов. Аня не поворачивала голову, деревяшек она, что ли не видела. Надо

было остаться на берегу, хоть искупалась бы. Или в посёлок смоталась.

Сердце билось в непонятной тревоге и ожидании.

– Как она может быть без повреждений, вот что меня удивляет! – возбуждённый голос Али. – Глубина залегания всего восемьдесят четыре метра, шашень сожрал бы древесину и всю органику даже за сотню лет. Вон, на «Титанике» обшивку, ткани слопал. А тут...

– Зимние бури? – с сомнением предположил Борис. – Во время бурь и штормов сероводородный слой поднимается, своего рода дезинфекция. Не любит моллюск это.

Аня не слушала, равнодушно смотрела на линию горизонта. Парни поливали древесину пресной водой, вытравляя из неё соль для сохранения. Девушку привлёк мутный блеск из сетчатой сумки, поднятой со дна. Она пригляделась: тиснённые зарукавья, украшенные серебряными бляхами с изображением лубочного солнца. В груди что-то недобро сжалось, колючие иглы впились в горло. В глазах потемнело. Анна затаила дыхание, будто погружаясь на дно. Ледяная вода проникала в гортань, заливала лёгкие, вымораживала внутренности.

Девушка схватилась за борт катера.

Чернота вокруг стремительно сгущалась, солнце спряталось за рваными облаками, будто укутанное мороком. Волны, только мгновение назад нежившиеся на солнцепёке, оживились, угрожающе расправляя покатые плечи.

Будто сквозь пелену девушка слышала голоса ребят, чувствовала зловещую суету в надувной лодке. Кажется, до неё донеслись слова «экстренное всплытие» и «кессонка». Может быть, она когда-то знала значение этих слов.

Волнующееся, тревожно вздыхающее море побагровело.

Анна отчётливо видела, как над мутной поверхностью вод белёсым призраком разрастается буря. Другая. Не здешняя. Будто зеркальное отражение.

Тени фантомных волн обрушивались на небольшое средневековое судно, хрупкое, двухмачтовое. Крики людей, зовы о помощи. Разломанные в щепки весла метались по бурунам. Один из них ударил в грудь корабля, хлестнул пеной, слизывая мореходов. Над судном взметнулся чёрным крылом предсмертный вал, укрыл собой, смял, изуродовал. Девушка всхлипнула, закрыла рот рукой.

Из немилосердных вод поднималась она. Хрустально прозрачные, будто сотканые из лунного света одежды, белые волосы, отсвечивающая белизной кожа, тонкие черты. Синие глаза смотрели пристально, гипнотизируя и сгибая волю. Губы шептали... Анна не могла разобрать ни слова.

На мгновение мираж застыл стопкадром немого кино, и призрак начал таять, рассыпаясь над водой снежной бурей. Черные волны замерли, будто схваченные ледяной коркой. Наслаиваясь одна на другую, они крошились, рассыпались хрупкой слюдой.

Анна чувствовала, как такой же фантомной волной в серд-

це поднимается необъяснимая обида, злость, как легкие на-
чинает распирать от ослепляющей ненависти.

Третья серия

1

– Капитан, фиксирую эхоактивность в зоне археологических исследований, – капитан судна обеспечения, капитан первого ранга Рыбаченко, внимательно посмотрел на монитор: на зелёном поле мигала точка дайверского катера, рядом с ней – расплывчатое пятно, которое то появлялось, то исчезало. Дежурный офицер предположил: – Надвигается гроза, может, помехи.

Меньше всего Рыбаченко любил гадать на кофейной гуще. Нахмурился:

– Что значит, «может быть»? Проверяйте, – коротко командовал.

Внезапно возникший штормовой фронт так же неожиданно растаял.

2

Анна очнулась от истошного крика: кто-то звал её по имени. Перед девушкой стоял Али и неистово тряс её за плечи. Она уже почти вынырнула из внезапного наваждения, как

подбежавший из рубки Борис окатил её ледяной водой. Девушка вскрикнула и осела на палубу:

– Что случилось? – зубы стучали от холода, тело трясло, но Анна пришла в себя. Она обхватила плечи руками, подставила лицо солнцу. Молодые археологи беспомощно переглядывались.

– Да сами толком ничего не поняли. Ветер резко поменялся. Холодный фронт из-за горизонта, быстро приближающийся шторм. И в одно мгновение все стихло.

Аня кивала, куклой-неваляшкой раскачиваясь на мокрой прорезиненной палубе.

– Хорошо, парни тогда не всплыли ещё. Когда все началось, они как раз на шестиметровой отметке отсиживались, декомпрессию проходили.

– Говорят, у них там тако-ое было...

Аня встрепенулась, вспомнив мраморное лицо призрака:

– Что?

– Тимоха видел, как корабль под воду ушёл. Не наш. А тот, который уже давно на дне.

– И ещё, будто днище как лезвием срезано, и из него полезло что-то, – Боря пожал плечами.

Али отмахнулся:

– Небось, азотный наркоз, вот и глючит парня.

Анна знала, что «не глючит», но промолчала.

Восковое лицо подводного призрака стояло перед глазами...

Словно в довершение беспокойного дня ночью опять при-
снился неясный образ незнакомого юноши. Грудь разрывало
от любви и боли, пока её не пронзила ледяная стрела, при-
гвоздив к волглым простыням, а по спине пополз липкий хо-
лодок. И вот уже – сине-чёрная темнота и холодное дыха-
ние у виска. Мутный силуэт из морской глубины, из преис-
подней. Невнятный шёпот. Треск свечи. Скрип разошедшихся
половиц. Навязчивый запах прогорклого масла и чёрной смо-
лы. Плотная, как покрывало, мгла застилает глаза, заби-
вает лёгкие. Мгла рассеивается в белёсую муть, руки хвата-
ют её лохмотья, рвут эти ленты погребального савана
и соскребают до пустоты.

Анна кричала.

Подхваченный испуганными чайками вопль поймали
притихшие волны, торопливо унесли по яркой лунной до-
рожке к горизонту.

Анна дрожала. Вцепившись в собственные руки, до крови
исцарапала кожу. Теперь багровые полосы темнели в свете
светодиодного фонаря.

Девушка спустила ноги с кровати, нащупала холодные та-
почки, вышла из палатки. Ветер мягко обнял за плечи, по-
гладил лицо.

– Княжич, – хриплый голос у самого уха.

Анна испуганно выдохнула и оглянулась в пустоту: лагерь
археологов спал.

Днем, спрятавшись в тени навеса, она чистила четвёртый килограмм картофеля. Гора очистков медленно росла, в наушниках гремела музыка, к которой всё никак не рождались стихи: Скот сделал ещё одну аранжировку, она была крутая, но слова песни так и не складывались.

Даже сейчас, в лучах полуденного солнца, Анна дрожала. Кто-то дёрнул за проводки. Музыка пропала из левого уха, в правом стала звучать плоско и безлико.

– Привет работникам неумственного труда! – Тим перевернул вверх дном алюминиевое ведро, плюхнулся на него, усаживаясь рядом с Анной.

Та неприветливо глянула на него, но промолчала. После пробного погружения прошло два дня, и он ни разу за это время не подошёл, не поговорил, не рассказал, что было там, на глубине. А она спрашивала, затаив дыхание, ждала – он только отшучивался в ответ. Вот и сейчас, чего, спрашивается, припёрся?

Анна насупилась, взяла в руки следующую картофелину. Тим понимающе кивнул:

– Обиделась, да? – девушка вырезала кончиком ножа желтоватые глазки. – Правильно. Я бы тоже обиделся. – Он прищурился и посмотрел на палящее зноем солнце. – Но, если тебе интересно, расскажу.

– Не интересно, – отрезала девушка, отправляя очищенный корнеплод в ведро с водой.

– Тогда тем более расскажу. Гришка не видел ничего, кстати. Так что имей ввиду, Али может быть прав, и всё это – проявление азотки...

Он подождал, наблюдая за тем, как девушка с остервенением чистила уже очищенную картофелину, вздохнул:

– Не знаю, как объяснить. Знаешь, мультики когда рисуют, фигурку изображают на прозрачной плёнке. И делают много-много повторений, чтобы фигурка начала двигаться, оживать...

– Сейчас всё на компе делают, – Анна старалась сохранить равнодушную маску на лице.

– Ну, принципы-то те же. Я на ютубе видел, – авторитетно заявил парень. – Короче. Дело было так. Нам ещё шесть метров подниматься, зависаем по инструкции. Думаем о жизни, о планах. Я стихи сочиняю, чтоб тебя очаровать при всплывании. «Потомок грозных королей влюблён как пылкий дуралей»...

– Это уже до тебя сочинили. В мультике про диких лебедей, – Анна снисходительно покосилась на него, бросила картофелину к очисткам. Чертыхнулась под нос, спохватившись. Подобрала торопливо и бросила, наконец, в ведро с водой.

– Да? – Тим изобразил удивление, ухмыльнулся, наблюдая за суетой вокруг клубня. – Ну, значит, вспоминал... При-

кинь, вокруг даже медуз нет.

– И долго так «зависать» приходится?

– Ну, минут сорок. Если на глубине не больше тридцати минут был, – он взял второй нож и принялся помогать де-вушке, срезая кожуру тоненько-тоненько, бережно. Аня покосилась на его ловкие руки, закусил губу. А дайвер продолжал: – И вот будто волна пошла не горизонтально, а вглубь. Это и Гриха видел, подтверждает. В ушах – свист, и будто разговор в динамиках. Мы «приём, вас не понять». А оттуда шёпот. Язык не наш вроде даже, – он пожал плечами. – Тут парни врываются, сообщают о приближении шторма.

– Это опасно?

– Конечно. На глубине-то все более-менее спокойно, но выброску будет рвать. Ребята на поверхности, катер рискует перевернуться. Но нам ещё тридцать минут болтаться. Иначе – кессонка. Пока под водой пузырьки азота скапливаются в крови, при резком всплытии слипаются, проникают в ткани. Кровь «закипает» как бы. Короче, каюк, – он отправил почищенный картофель в ведро. – Оно, конечно, рядом корабль обеспечения, там врач, барокамера специальная. Но рисковать все равно очково. Решили с Грихой подождать. Как бы, даже если шторм начинается, не сию же минуту он нагрянет...

Он замолчал, задумавшись:

– И что? – Анна затаила дыхание. – Рябь пошла, что дальше-то?

– Рябь пошла. Потеря связи. Даже с Гришкой друг друга перестали слышать. Сигнализируем друг другу, перемигиваемся. Море, хоть мы и на глубине ещё, будто закипело. Тени с поверхности. Смотрю: откуда ни возьмись над нами прямо – днище корабля. Не наш катер, наш катер метрах в пяти болтается, в сторонке. И вообще днище не современного судна, а древнего какого-то... Ладья или как там их называли. Метров тридцать в длину, что-то около восьми в ширину. Накренилось кормой вниз. И прямо на нас с Гришкой, значит, заваливается. Стремительно, будто на дно его кто утягивает. Весла в щепки. На нас прёт, прям всей массой налегает, темнота вокруг, них... – он запнулся, покраснел. – Ничего не видно. Только я понимаю, что корабль этот над головами нашими – не настоящий.

Анна схватила его за руку:

– Как ты это понял?

Тимофей с удивлением покосился на девичьи пальцы на своем запястье, откашлялся:

– Вот щас не ржать только...

– Не буду, – Анна едва удержала себя, чтобы не сложить ладони на манер молящейся Магдалены.

Тимофей с сомнением уставился на неё, вздохнул.

– Прозрачный он был, светился в темноте. Будто из лунного света собранный. – Он не сводил с неё глаз, отчётливо улавливая, что девушка от него что-то скрывает и интерес её – не простое любопытство.

Она закусила губу, задумчиво повторила:

– Прозрачный...

– Угу, типа того. Призрак. На глубине метров трёх от поверхности его как консервную банку вскрыло что-то изнутри.

– Из трюма?!

Он кивнул:

– Днище оторвало и отбросило в сторону. А из трюма выбросилось что-то белое.

– Это не что-то, это кто-то. Женщина, – подсказала девушка.

Парень отбросил в ведро очищенный клубень.

– Похоже на то. Женщина молодая... Знаешь. Вода при температуре около нуля становится хрупкой. Одно движение, и кристаллизуется. И вот я тебе поклясться могу – вода с её появлением стала густой, липкой, как майский мёд. Замерла на мгновение. И от этого призрака ледяными пиками холод идёт. Как морской ёж глубина ошетижилась. – Тимофей дотронулся до своей груди: – Вот здесь даже студёно стало.

Он перестал рассказывать, застыл. Но Ане этого оказалось мало.

– И куда она подевалась, эта женщина из корабля?

– Корабль сквозь неё прошёл, лёг на дно. Как раз на то место, где и находится сейчас. А женщина медленно всплыла на поверхность.

Анна вспомнила, как призрак поднимался из встревоженных вод, сглотнула подкативший комок.

– Как думаешь, кто это может быть?

Парень пожал плечами:

– Воды древние, чего здесь только не может быть. Но это всё, конечно, глюк. Не было этого ничего, – он испытующе взглянул на девушку: та опустила глаза, торопливо кивнула:

– Конечно. Глюк...

Дайвер многозначительно изогнул бровь, но промолчал.

4

Этой же ночью разразилась гроза.

Молнии метались за горизонтом, заставляя волны испуганно вздрагивать. Анна считала секунды от вспышки до раската:

– Восемь, девять... Двенадцать.

И сжималась, как в ожидании удара. Гроза то удалялась, то приближалась вновь. Пахло сырой полыньёю, влажной дорожной пылью и солью.

Девушка не выдержала напряжения, села в постели, включила подвешенный к изголовью фонарик.

Согнувшись, протянула руку в поисках бутылки с водой: она наполнила её перед отбоем. Пузатая полуторалитровка оказалась с противоположной стороны. Девушка чертыхнулась, достала бутылку и открутила пластиковую крышку,

прижалась пересохшими губами к узкому горлышку, опрокинула вверх дном.

Вода не полилась.

Бутылка под её пальцами хрустнула и затвердела. Пузырьки внутри застыли.

– Что за фигня происходит, – в недоумении бросила она и пригляделась: тонкими серебристыми лучиками от её пальцев расходились ледяные иглы.

– Что за...

Она уставилась на бутылку. Мгновение на осознание того, что жидкость внутри пластика оказалась напрочь заморожена. Бутылка глухо ударилась о земляной пол и... пролилась.

Анна выскочила из палатки, одновременно вжав голову в плечи из-за удара молнии: казалось, он разразился прямо над головой. И снова ослепительная вспышка. Девушка прижалась к тенту.

Вдалеке, у костра, игнорируя приближающуюся непогоду, негромко пели под гитару Боря и Ангелина, молоденькая студентка из Иркутска. Анна бросилась в сторону, к отцовской палатке. Навстречу вышел Олег Иванович, посмотрел сурово:

– Ты чего не спишь? Опять завтра будешь носом клевать, а Дарья Семёновна на тебя жаловаться, – начал он недовольно.

Девушка смотрела только на кружку в его руках.

Подбежала, жадно схватила, заглянула: чай с лимоном. Поднесла к губам.

– Ань, ну что ты, в самом деле, как с похмелья, – отец смотрел озадаченно, нахмурился.

Девушка испуганно заморгала, вернула ему чашку. Археолог почувствовал, как дрожат руки дочери, нахмурился.

– Воды, – прошептала пересохшими губами.

Отец озадаченно махнул за угол свой палатки:

– Ну, у столовой всегда запас питьевой есть, на столе оставляем...

Она не дослушала, ослепленная очередной молнией, метнулась к навесу. Отец проводил её взглядом, медленно направился следом.

Девушка сорвала эмалированную крышку, отбросила в сторону, безотчётно фиксируя, как та с грохотом покатилась под стол. Схватила большую эмалированную кружку, привязанную длинной бечёвкой к ручке ведра. Зачерпнула и тут же жадно поднесла к губам. Тонкую пелену тумана разрывало её сбивчивое дыхание; удар грома за спиной. Вода в кружке промёрзла до дна.

– Не-ет! – крик слился с белой вспышкой, сплёлся с раскатом грома.

Анна схватилась за край ведра, потянула на себя. Тяжёлое, по деревянной поверхности, оно никак не желало сдвигаться с места. Сухие отцовские руки перехватили ведро за ручку, чтобы помочь.

– Анна, ты ведешь себя...

Он не успел пояснить, как именно ведет себя дочь, девуш-

ка снова закричала и, не обращая внимание на отца, заглянула в ведро.

Белая вспышка расцвела над ее головой, отразив тонкое лицо со светлыми, словно лунный свет, гладко зачёсанным назад волосами. Синие глаза смотрели отрешённо. Прозрачная поверхность подёрнулась ледяной коркой, хороня отражение.

– Не-е-ет! – неистовым усилием девушка, оттолкнув от себя, перевернула ведро.

Прозрачная жидкость вытекала из него медленно, будто лениво, уходила в траву, впитывалась в изнеженную весенним солнцем землю.

Скворцов обхватил плечи дочери, притянул к себе, чувствуя, какая она каменная, словно ледяная внутри, коря себя за то, что так долго был далеко от неё. Что не нашёл нужных слов тогда, что не может найти сейчас.

Анна билась в его руках. Перекошенный рот, чернильная темнота не узнающих никого глаз: отец был готов поверить в то, что сама ночь оказалась в душе родного ребёнка.

– Господи! Кто-нибудь, помогите, – он второй раз в жизни чувствовал себя растерянно и беспомощно. Первый раз это было, когда увидел жену с другим и она сказала, что полюбила этого другого. Второй раз сейчас. Но сейчас – страшнее. Тогда он склеил свою жизнь, собрал по кусочкам. Сейчас его жизнь задыхается в его руках и смотрит безумными глазами, в которых отражаются когтистые молнии.

Тим устроился во дворе, спрятался в тени виноградной лозы и смотрел на темнеющее небо. Странная девчонка не выходила из головы. За руку схватила – будто током пробило. Глаза у неё, опять же, всегда грустные. На отца как на чужого смотрит, будто ждёт пакости какой. Видимо, не просто там всё.

На горизонте полыхнула молния. Далёкая, даже не подарившая раскат грома. Рядом появилась угловатая, как почти все подростки Светка, присела на крашенный бордюрчик. Тим попробовал не обращать на нее внимания.

– Ты чего прядешься от нас? Мать спрашивает о тебе. Маринка звереет, когда ты так делаешь, – в голосе осуждение и зависть – она так никогда не сможет. Ей некуда спрятаться. Ей даже некуда уйти. Только школа. Но там свои проблемы.

– Что, Бусина? – спросил Тим, не отрываясь от розовых искр на небе.

Сестра помрачнела, промолчала. Тим перевёл на неё взгляд:

– Она опять лезла?

Светка отвернулась, закусив губу, уставилась на цветы.

– Говори, – приказал брат, придвинулся ближе, упёрся острыми локтями в колени, мощные банки бицепсов играли в темноте.

– Портфель порвали.

– Кто конкретно?

– Витька Толстихин, Макс и Ерема. Их Бусина подговорила.

Оля Бусина и Света когда-то дружили не разлей вода. Пока Бусина не втрескалась в мальчика из параллельного. А тот, будь неладен, начал симпатизировать Светке. С тех пор девчонки стали лучшими врагами, Бусина третировала бывшую подругу, не давала прохода. То в компот соль подсыпет, то тетради клеем измажет, то портфель в мальчишеском туалете запрет. Оскорбления каждый день. Последнее время стала натравливать на Светку пацанов из параллельного класса. Тимофей, только услышав новости «с фронта», подскочил. Сестра вцепилась в руку, прошептала горячо:

– Не смей, не лезь! Они мне прохода тогда совсем не дадут, только разозлишь их. А тебя часто нет рядом. Мне надо самой научиться.

– Так учись! – он зло плюхнулся на своё перевёрнутое ведро.

– Я и учусь, – Светка обиделась, надулась. Когда она обижалась, у неё краснели уши. Он на это обратил внимание сразу, еще когда её кульком принесли из роддома. Он заглянул под ажурный край пеленки и сказал тогда, что она страшная. И крошечная Светка в тот момент обиделась и покраснела ушами. А потом полночи орала. Орала до тех пор, пока он, насмотревшись на измученную мать, не взял сестру на

руки. Та глянула на него хмуро, покосилась на серьгу в ухе. А когда он устроил её на руке, затихла, закрыла глазки-миндалины и заснула.

Тим погладил сестру по выцветшей макушке:

– Их трое, а ты одна, какое здесь может быть учение...

Приёмы помнишь? – больше всего он боялся, что эти уроды обидят сестру по-серьёзному. И поэтому обучил элементарным приёмам самообороны. Сестра кивнула. – Покажи.

Он встал напротив неё, изобразив нападающего, сделал ловкий выпад с попыткой схватить за руку. Светка проворно подставила предплечье под нужным углом, ещё более проворно вывернула его на себя, заставив ослабить хватку. Крутанулась и с размаху заехала локтём под дых и почти одновременно – босой пяткой по щиколотке. Тим перестал дышать и сложился пополам, понимая, что сестрёнку гады-однокласснички достали не на шутку. В довершение, Светка, дёрнув его беззащитные уши на себя, саданула коленом в пах. Тимофей округлил глаза, захрипел. Из груди словно выпустили весь воздух, в висках пульсировало.

– Х-х-х, – сипел он, падая сестре под ноги.

Та шумно шмыгнула, посмотрела опасливо:

– Тим, ты чего? Больно, да? – видя, что брат не может даже мигать, перепугалась: – Тимка, я не хотела, я не рассчитала! Вот блиииин! Чё делать... Марин! – заверещала в сторону дома.

Рванула к бочке, суматошно набрала в рот воду и прис-

нула её в позеленевшее лицо брата. Тот шумно втянул в себя воздух, попробовал сесть. Голова туго соображала, перед глазами разбежались ядовито-зелёные круги и красноватые мушки. Кисловатая отрыжка скопилось в гортани и жгла огнём.

– Тимка, прости, я правда-правда не хотела, – Светка жалобно скулила, перебежала из стороны в сторону и зачем-то старательно дула на него.

Тим схватил сестру за локоть, заставил замереть – от мельтешения бурлило в желудке – выкинул из зажатого кулака большой палец, кивнул:

– Вот если полезут ещё раз, именно так и бей. В самый раз, – он сделал глубокий выдох, выпятив трубочкой губы, проморгался.

– Так ведь к директору вызовут, – Светка смотрела округлившимися глазами, еще не высохшими от слез, прижимала маленькие кулачки к груди.

Тимофей с трудом встал, отчаянно кивнул:

– Пусть вызывают. Там уже я пойду. К твоему директору...

Он схватился за угол дома, распрямляясь. Над горизонтом полыхали вспышки надвигающейся грозы. То приближались, то удалялись – ходили кругами. Тим присмотрелся:

– Где полыхает? Не над проливом?

– Над проливом, – торопливо согласилась сестра, прижалась к горячему и сильному телу брата, жёсткому, накачан-

ному и надёжному как скала, уткнулась носом в плечо.

Тим изловчился, обнял её за плечи, всё ещё вглядываясь в кривые сполохи.

– Пойдём в дом? – предложила сестра и посмотрела жалобно.

Брат задумчиво кивнул, подтолкнул к крыльцу. Уже взойдя на верхнюю ступеньку, ещё раз оглянулся на багровое небо все в серебристых крапинках далёких звёзд. Странная гроза. Сухая. Сто лет таких не бывало. Может, и больше.

6

Анна почти не помнила эту ночь – все затмевали ярко-синие глаза в отражении. Призрачные губы шептали, руки тянулись к горлу, дотрагивались тонкими пальцами до кожи, оставляя ожоги. На запястьях проступили синяки и кровоподтёки, на плечах, на спине – длинные уродливые рубцы. Неизвестно откуда проступило родимое пятно на груди, чуть выше основания грудной клетки. Поднялась температура. В голове кружили чужие тени и на чужом непонятном языке, то приближаясь, то удаляясь, что-то твердили. Стоило ненадолго прикрыть глаза, как пространство сужалось: протяни руку и коснёшься... Чего? Анна не знала, но она боялась этого. И нещадно болело что-то внутри. Ныло, скреблось изуродованной кошкой.

Она вздохнула, в который раз заставляя себя сбросить на-

важдение. Вынырнула из него, почувствовав солнечное тепло и аромат кипариса.

– Где мы? – она огляделась: круглый белоснежный холл, настезь открытые ставни и огромные, от мраморного пола до резного потолка, двери. За ними – сад, цветущие магнолии, белоснежные дорожки и ровные ряды скамеек.

Сама она, к своему удивлению, обнаружила себя в кресле-каталке, жутком, словно испанское пыточное кресло. Ноги установлены на подставку, руки прижаты к подлокотникам. Попробовала встать. Тут же рядом оказалась женщина в медицинском костюме, не белом, а в весёленьком таком, оранжевом, с забавными слониками как на детских фланелевых пижамах:

– Нет-нет, не стоит вставать, так вы в безопасности. – Она положила горячие руки на плечи девушки, мягко и настойчиво заставив замереть. Тут же позвала: – Андрис Александрович, подойдите сюда, пожалуйста.

Из-за колонны показался яркий блондин. Высокий, более двух метров, рост, ясные глаза и широкая располагающая улыбка, узкое лицо в обрамлении светлых вьющихся волос.

– А, наша спящая красавица очнулась, – неувлимым жестом он махнул рукой медицинской сестре и подошёл ближе к Анне, разглядывая ее приветливо и с интересом. Из-за его широкой спины показалась сутулая фигура Аниного отца. Вид встревоженный. В ответ на удивленный взгляд дочери отвел глаза. – Мы тут пока с твоим папой поболтали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.